

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра социологии и политологии

ОБЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Раздел I, II

*Учебное пособие для студентов
гуманитарных специальностей*

Издательство "Самарский университет"
1997

ББК 60.5
М 75

Молевич Е.Ф. Общая социология: Учебное пособие для студентов гуманитарных специальностей. ч. I-II. Самара: Изд-во "Самарский университет", 1997. 88 с.
ISBN 5-230-06076-x

Предлагаемое учебное пособие соответствует государственному стандарту специальности "Социология" и учебной программе курса "Общая социология", утвержденной кафедрой социологии и политологии СамГУ. Настоящее пособие охватывает первый и второй разделы программы (9 учебных тем) и рассчитано как на студентов-заочников, так и для самоподготовки студентов дневного обучения гуманитарных специальностей.

Отв. редактор доцент, кандидат исторических наук
В.Я.Мачнев

Рецензент профессор Санкт-Петербургской академии культуры
ры **Э.А.Куруленко**

0302010000-003

М ----- 1-97

6К4(03)

ISBN 5-230-06076-x

© Е.Ф.Молевич, 1997

Раздел I

МЕТОДОЛОГИЯ ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ

1.1. Структура современного социологического знания

Современные теоретические представления о структуре социологического знания отражают как реальную структуру сложившегося на сегодняшний день социологического знания, так и полуторавековую историю развития научных знаний об этой структуре.

История вопроса

Уже родоначальники социологии О.Конт и Г.Спенсер выделяли в ее структуре два относительно самостоятельных раздела – социальную статику как теорию организации и функционирования общества ("порядка") и социальную динамику как теорию его исторической эволюции ("прогресса"). Под разными терминами эта типология социологического знания сохраняла свое значение вплоть до начала нашего века, когда, отражая как растущую дифференцированность самого социологического знания, так и прогресс наших знаний о нем, в работах большой группы социологов (во Франции – Э.Дюркгейма, в Германии – Г.Зиммеля, в США – Л.Уорда, в России – П.А.Сорокина) формулируется гораздо более сложная классификация социологического знания. Она включала выделение в структуре социологии теоретического и прикладного ("практического") типов знания, а в рамках первого – общей социологической теории ("общая социология"), представленной со-

циальной аналитикой и динамикой; формальной или "чистой" социологии, исследующей абстрактные понятийные формы социального общения; исторической ("генетической") социологии, изучающей историю конкретных социальных систем; философской социологии, специализирующейся на вопросах методологии социологического знания.

Рождение и распространение во второй трети XX в. эмпирических социологических исследований обусловили становление и типичной для этих лет "двухурвневой модели" структуры социологии, представленной теоретическим и эмпирическим уровнями знаний (Ф.Знанецкий, В.Зомбарт, О.Нейрат), или, в другом варианте, так называемой макро- и микросоциологией (Дж.Морено, Дж.Гурвич, Т.Парсонс). Теоретическая, или макросоциология ("большая теория"), специализировалась на исследовании больших социальных систем и общностей, эмпирическая "микросоциология" – на исследовании преимущественно малых групп, т.е. человека в его ближайшем окружении.

Однако уже к середине века обнаруживаются трудности во внутридисциплинарной стыковке этих двух областей социологического знания и на этой основе их центробежная эволюция: макросоциологии – к социальной философии, микросоциологии – к социальной психологии. Иными словами, в социологии начинает складываться болезненная ситуация "двух наук" под общим названием. Выход из этого структурного кризиса во многом был связан с выделением в середине века социально-психологических исследований в самостоятельную область научного знания, а с другой стороны, с высказанной в конце 40-х годов американским социологом Р.Мертоном идеей существования некоторого промежуточного уровня социологического знания – "теорий среднего ранга". Возникшая на этой основе "трехурвневая модель" структуры социологического знания явилась важным шагом в приближении наших знаний о структуре социологии к самой этой реально существующей структуре, и в 50-70-х годах "трехурвневая модель" структуры социологического знания становится, в том числе и в России, практически общепринятой. Однако она представляла собой и известный регресс наших знаний сравнительно с рассмотренными выше научными представлениями о структуре социологии начала века. В отличие от них, "трехурвневая модель"

практически игнорировала аспектное многообразие структурных срезов социологического знания.

Дело в том, что в любой развитой области научного знания, и социология, естественно, исключением не является, структурная дифференциация знания, определяется спецификой содержания, формы и функций проводимых исследований или, другими словами, спецификой того, что, как и в каких целях подлежит исследованию. С этой точки зрения в структуре социологии вполне четко различимы в содержательном аспекте, определяемом спецификой объекта исследования, методологический ("метасоциология") и предметный типы социологического исследования; в формальном аспекте, определяемом своеобразием применяемых средств (технологий) исследования – теоретическая и эмпирическая формы социологического исследования; в функциональном (целевом) аспекте – фундаментальный и прикладной виды социологического знания.

Рассмотрим их подробнее.

Содержательный срез структуры социологии "Социолог изучает человека в обществе. Специалист по методологии изучает социолога за его работой". В

этих словах американского социолога П.Лазарсфельда схвачена вся суть своеобразия обоих выделенных выше типов содержательного социологического знания: объектом исследования предметной социологии является социальная реальность, объектом исследования метасоциологии – социологическое знание об этой реальности. Критериальным основанием выделения и различения этих типов содержательного социологического знания, таким образом, является принципиальное различие в их объектах исследования.

Как наука о закономерностях, формах и средствах социологического познания, методология социологии, или, короче, метасоциология, исследует наши знания об объекте, предмете, структуре социологии, ее теоретические парадигмы и методы исследования, критерии научности, условия и пути формирования социологического знания, присущий ему категориальный аппарат, место социологии в системе социальных наук, процессы ее институционализации, ее научный статус и т.д.

конфликта (Ч.Р.Миллс, Р.Дарендорф, Л.Козер), разнообразные концепции послевоенного неомарксизма, а в самые последние годы – концепции неофункционализма Дж.Александера и структуризации Э.Гидденса. В специфических условиях идеологической жизни СССР 60-80-х годов в качестве общей социологии обычно рекомендовался исторический материализм, понимаемый в этой связи как некое единство социальной философии и общей социологии марксизма. С 90-х годов эта точка зрения практически утратила силу, и в современной отечественной литературе в основном представлены общесоциологические теории В.А.Ядова, В.Н.Иванова, Ж.Т.Тощенко и др.

Второй уровень предметного рассмотрения – частные ("среднего ранга") социологические теории, имеющие своим теоретическим и методологическим базисом общую социологию и дающие описание и анализ социально особенного. В зависимости от своеобразия своих объектов исследования, частные теории оказываются представленными двумя относительно самостоятельными классами частных теорий – специальными и отраслевыми теориями.

Специальные теории исследуют сущность, структуру, общие закономерности функционирования и развития объектов (процессов, общностей, институтов) собственно социальной сферы общественной жизни, понимая последнюю как относительно самостоятельную область общественной деятельности, ответственную за непосредственное воспроизводство человека и личности. Таковы социологии пола, возраста, этничности, семьи, города, образования и т.д. Каждая из них, исследуя особый класс социальных явлений, выступает прежде всего как общая теория этого класса явлений. По сути, отмечал П.А.Сорокин, эти теории делают то же самое, что и общая социология, "но в отношении специального класса социокультурных явлений"¹.

Отраслевые теории исследуют социальные (в указанном выше смысле этого термина) аспекты классов явлений, принадлежащих к другим сферам общественной жизни – экономической, политической, культурной. Таковы социологии труда, политики, культуры, организации, управления и т.д. В отличие от специальных теорий, отраслевые не являются общими теориями данных классов

---

¹ Сорокин П.А. *Человек. Цивилизация. Общество.* М., 1992. С. 173.

явлений, ибо исследуют лишь один из аспектов их проявления – социальный. Для отраслевых теорий характерен "стыковочный" характер их исследовательской практики.

Но при всем своеобразии этих двух классов теорий они обладают функциональной спецификой, предопределяющей их объединение в единый – "частный" – уровень предметного типа исследования: в рамках каждой из этих теорий происходит, во-первых, становление и отработка адекватного для данного объекта исследования понятийного аппарата, во-вторых, соответствующая операционализация абстрактных понятий общей социологии, что только и делает их доступными для количественных измерений и практической проверки, и в-третьих, адаптация общих методов и процедур к специфике данных объектов исследования.

В итоге, по известной оценке Р.Мертонa, частные теории выступают некоторыми посредниками между "большой теорией" общей социологии и третьим уровнем предметного типа исследования – социографией, конкретными социологическими исследованиями. Задача последних – описание и анализ социально единичного во всей конкретности его существования. Непосредственным теоретическим и методологическим базисом социографии выступают соответствующие частные социологические теории.

В основе представленной трехуровневой модели предметного социологического знания, как мы видим, диалектика общего, особенного и единичного. И это придает ей особую фундаментальность и значимость. Причем из сказанного очевидно, что рассмотренная модель не может интерпретироваться как модель структуры социологического знания в целом, как это принято, ибо характеризует лишь структуру одного из типов содержательного среза социологического знания.

Формальный срез структуры социологии Переходя к анализу следующего, формального среза социологического знания, сразу отметим, что оба рассмотренных выше типа содержательного знания – методологический и предметный – всегда существуют в двух своеобразных познавательных формах – эмпирического и теоретического знания. Различия между ними существенны и многоплановы. В онтологическом отношении это различия в ориентации познания социаль-

Эти познавательные задачи решаются с помощью целой совокупности сложившихся (и складывающихся) в XX веке научных дисциплин метасоциологической направленности: методологии, методики и техники социологического исследования, изучающей принципы, процедуры и формы организации и проведения социологических исследований, обработки и анализа их результатов; методологий отдельных классов социологических исследований: предметного, общесоциологического, частных социологических дисциплин, теоретического, эмпирического, фундаментального, прикладного и собственно методологического – "метаметасоциология"; логики социологических исследований, изучающей категориальный аппарат социологического знания; социологии знания, исследующей степень объективности получаемого в социальных науках знания; социологии социологии, исследующей процессы институционализации социологической науки.

К другому, предметному типу содержательного среза социологического знания принадлежит подавляющее большинство социологических исследований, а именно все те, которые связаны с исследованием самой социальной реальности.

В зависимости от степени абстрактности этих исследований со времени работ Р.Мертон принято выделять три уровня предметного изучения.

Первый – общая социологическая теория ("общая социология"), дающая абстрактно-обобщенный анализ социальной реальности в ее целостности, сущности и истории развития; на этом уровне познания фиксируется структура и общие закономерности функционирования и развития социальной реальности. При этом теоретическим и методологическим базисом общей социологической теории выступает социальная философия.

Согласно известному мнению Р.Мертон, общей социологической теории в современной науке еще нет, ей только предстоит родиться. Если понимать под этим рождение сколько-нибудь общепризнанной в мировой науке общей социологической теории, то оценка Р.Мертон сохраняет свою силу и сегодня, полвека спустя. Но при менее максималистском подходе нельзя не видеть рожденные второй половиной XX в. и сыгравшие важную роль в развитии мировой социологии общесоциологические концепции структурного функционализма (Т.Парсонс, Р.Мертон, Н.Луман), интегративной социологии П.А.Сорокина, многочисленные теории

ной реальности с точки зрения разноразмерности ее организации: эмпирические исследования ориентированы на познание внешних проявлений социальной реальности, ее феноменологии, теоретические исследования ориентированы на познание разноразмерных внутренних сущностей этой реальности, т.е. законов, ею управляющих. В гносеологическом отношении это различие в характере самого получаемого знания: в рамках эмпирической формы познания наука получает установление и возможно более точное описание фактов и их взаимозависимости – "эмпирические обобщения". В рамках теоретической формы познания – причинное объяснение этих фактов и обобщений на базе устанавливаемых законов с последующим прогнозированием возможного хода событий. В методологическом отношении различие эмпирического и теоретического обусловлено различием используемых ими познавательных средств – методов и процедур исследования. В логическом отношении – в специфике используемого понятийного аппарата.

Необходимо особо подчеркнуть, что эмпирическое и теоретическое знания есть формы существования не только предметного, но и методологического знания. Методологический анализ структуры социологии или ее объекта и предмета – это область теоретической методологии. Подготовка программы конкретного социологического исследования, необходимой методологии и техники его проведения и последующей обработки и анализа результатов – область эмпирической методологии.

Отсюда совершенно очевидна ошибочность и недопустимость распространенного отождествления понятий конкретного и эмпирического, теоретического и общесоциологического ("Большая теория") исследований. Как конкретное, так и общесоциологическое исследования всегда представляют собой сплав эмпирического и теоретического, с тем лишь различием, что в рамках конкретного исследования преобладает эмпирическое, а в рамках общей теории – теоретическое знание.

В этой связи необходимо также иметь в виду и известную условность различения границ эмпирического и теоретического знания, ибо, во-первых, существует немало методов и процедур познания (анализ и синтез, абстрагирование, индукция и дедукция, систематизация и др.), успешно используемых обеими формами познания, а во-вторых, "теория включается в процесс эмпи-

рического исследования на всех его стадиях"², как и наоборот, всякое теоретическое знание всегда включает эмпирические факты и обобщения. Именно в силу этого взаимопроникновения эмпирического и теоретического знания о них лучше говорить не как о самостоятельных уровнях знания, что обычно для современной литературы, а как о взаимопроникающих формах существования любого научного знания³.

Функциональный срез структуры социологии

В третьем срезе структуры социологического знания – дихотомии фундаментального и прикладного видов познания – отразилась специфическая функциональная (целевая) ориентированность любых проводимых исследований.

К фундаментальному ("чистому") познанию в гуманитарных науках традиционно относятся исследования, ставящие своей целью непосредственное приращение нового научного знания, а не получение какого-либо практически значимого результата. Таким образом понимаемое фундаментальное знание не надо смешивать, во-первых, с иным содержанием этого термина, с фундаментальностью в смысле особой основательности и важности получаемого знания. Во-вторых, недопустимо и часто встречающееся отождествление фундаментального знания с теоретическим. При этом, с одной стороны, смешиваются два разных среза структуры науки – формальный и функциональный (т.е. смешивается форма знания с его функцией), а с другой стороны, фундаментальным по своему содержанию будет и любое эмпирическое исследование, преследующее чисто научные цели.

Прикладной вид социологических исследований, наоборот, ориентирован на исполнение определенного "социального заказа", т.е. должен привести к какому-то предполагаемому практически значимому эффекту. Характерная особенность прикладных исследований в этой связи – разработка специальных инновационных, внедренческих процедур, позволяющих использовать на практике полученное знание. Типичная ошибка в понимании прикладных

---

² Ягов В.А. *Социологическое исследование: методология, программа, методы*. Самара, 1995. С. 22.

³ См.: Коршунов А.М., Мантатов В.В. *Диалектика социального познания*. М., 1988. С. 42.

исследований – их отождествление как с конкретно-социологическими, так и с эмпирическими исследованиями. Между тем, в этом случае мы опять имеем дело со смещением разных срезов социологического знания, на этот раз всех трех – функционального, содержательного и формального. Кроме того, прикладным (как и фундаментальным) может быть знание любого научного класса – теоретического, методологического, обще- и частносоциологического.

И, в заключение, необходимая терминологическая справка. В специфических условиях идеологической жизни СССР 60-80-х годов термин "прикладная социология" часто применялся в совершенно ином смысле – для выделения и обособления собственно социологического знания от марксистской социальной философии – исторического материализма, трактуемого в эти годы и как марксистская общая социология. С начала 90-х годов подобное словоупотребление уходит в прошлое, но в литературе оно останется навсегда, и это необходимо учитывать.

1.2. Методы исследования общей социологии в их историческом развитии

Вспомним, что все рассмотренные выше классы социологического знания существуют в двух своеобразных познавательных формах – эмпирического и теоретического знания. Но соотношение этих форм, их соотносительный удельный вес в разных классах знания будет существенно различным. При этом чем абстрактнее соответствующее знание, тем значимее для него теоретическая форма познания. Она достаточно скромно представлена (хотя всегда представлена) на конкретном уровне предметного исследования, уже преобладает в классе частных исследований ("теории среднего ранга") и наиболее типична для общесоциологического уровня исследования. Таким образом, общая социология – это преимущественно теоретическая дисциплина.

Вспомним также, что главные функции теоретического познания – познание внутренней сущности (закона) рассматриваемых явлений и процессов и на этой основе их причинное объяснение и построение прогнозных моделей.

Теоретические методы общей социологии

Реализация этих функций предполагает использование адекватных теоретических методов исследования. В качестве таковых в общей социологии обычно используются методы дедуктивной типологизации, структурного и функционального анализа, исторического сравнения.

Под дедуктивной (или иначе теоретической) типологизацией понимается группирование исследуемых явлений и процессов на основе введения каких-либо теоретически обоснованных критериев. Так, анализируя структуру социологического знания, мы выявили ее с помощью введения трех методологически обоснованных вопросов: что, как и зачем изучается в социологических исследованиях. Структура предметного социологического знания была выяснена с помощью предложенной Р.Мертоном трехуровневой модели социологического знания. Процедура подобного типологизирования позволяет с высокой степенью достоверности получать знания о структуре, функциях, закономерностях исследуемых объектов, определять и, соответственно, предсказывать тенденции их развития. Но – лишь в том случае, если предлагаемые критерии типологизации адекватны объекту. В противном случае они ведут к неизбежным ошибкам познания. Так, в частности, произошло с известной оценкой Мертоном "трехуровневой модели": он видел в ней модель структуры социологии, а на деле она оказалась моделью структуры ее частного типа.

Дедуктивную типологизацию, ориентированную на получение строго достоверного знания об объекте, нельзя смешивать с предлагаемыми М.Вебером и Г.Беккером методами идеальных (или "конструируемых") типов знания. Последние представляют собой дедуктивно выводимую из каких-то предложенных оснований чисто логическую конструкцию упорядочивания известной совокупности фактов. "Идеальные типы" не претендуют на прямое соответствие с изучаемой действительностью, но могут помочь в ее познании, выступая возможными вариантами ее организации и развития.

С середины XX века одним из ведущих методов теоретического познания в социологии становится структурно-функциональный анализ ("системный подход"), позволяющий объективно описать и объяснить сложную организацию и механизмы функционирования целостных совокупностей явлений – социальных си-

стем. То, что своеобразие любой системы определяется набором присущих ей функций (свойств), было известно науке с XVIII века. Но то, что сами функции есть производное от специфики структуры системы, т.е. тех устойчивых связей, которые складываются между образующими систему элементами, стало ясным для науки лишь к середине XX века. С учетом этих новых знаний процесс познания качественного своеобразия системы будет сводиться на эмпирическом уровне познания к точному описанию наблюдаемых функций, системообразующих элементов и их взаимоотношений друг с другом; на теоретическом – к объяснению наблюдаемых функций, исходя из обнаруженной природы системообразующих элементов и характера связей между ними, т.е. исходя из наблюдаемой структуры. В целом, в рамках структурно-функционального ("системного") подхода мы получаем знание и функции, и структуры систем, эти функции определяющие.

Само движение исследовательской мысли в рамках структурно-функционального анализа может быть двояким: от анализа наблюдаемых функций к выяснению специфики порождающей их структуры – функциональный подход; и от анализа наблюдаемой структуры к выяснению обуславливаемых ею функций – структурный подход. Анализируя характерные новые черты (свойства), присущие современным браку и семье в развитых обществах, мы найдем их объяснение лишь вскрыв изменения, происходящие в XX веке во взаимоотношениях образующих брак и семью элементов – супругов и родственников. Но, анализируя и прогнозируя те изменения, которые необходимо внесет в эти же взаимоотношения происходящее в развитых странах становление постиндустриальной организации общества, мы уже сейчас, как это сделал американский футуролог Э.Тоффлер, можем спрогнозировать специфику будущих черт брака и семьи в этом обществе.

Структурно-функциональный анализ, как и любой другой конкретно-научный метод исследования, имеет свои ограничения: раскрывая организацию и механизмы функционирования систем, он оставляет невыясненными генезис этого функционирования, историю становления и развития системы.

В целях именно такого исторического анализа системы обычно используется так называемый сравнительно-исторический метод. Он был хорошо отработан еще в XIX веке и долгое время рассматривался как основной метод социологии. Его суть – выявление

ние логическими средствами сходства и различия общего и особенного в исторически меняющихся явлениях и процессах, что позволяет понять сущность и направленность этих изменений, дать их возможный прогноз.

Сравнительно-исторический анализ существует в двух формах:

– историко-типологического анализа: выяснение сходства и различия в явлениях, возникающих независимо друг от друга, но в сходных условиях существования, и поэтому приобретающих сходные черты организации. Брачно-семейные отношения, режимы воспроизводства населения, миграционные процессы, складывающиеся в современных развитых обществах, удивительно похожи друг на друга; хотя, естественно, никакой реальной генетической связи между ними нет. Исследования подобных ситуаций и составляют поле применимости данного метода;

– историко-генетического анализа: исследование последовательных стадий развития одного и того же или родственных по происхождению объектов – излюбленный метод исследования общей и частных социологий, позволяющий в деталях проследить развитие исследуемого социологического объекта во времени.

Эмпирические методы общей социологии

Но сравнительно-исторический анализ возможен не только логико-теоретическими, но и эмпирическими средствами. В этом случае используется так называемый повторный сравнительный анализ, представляющий собой эмпирическое обследование в определенной временной последовательности исследуемых объектов.

Особое значение при этом получил метод панельного исследования (лонгитюд), в рамках которого с определенной последовательностью по одной и той же программе и методике обследуется один и тот же объект изучения. Главная цель такого исследования – выяснение тенденций и динамики развития социального объекта во времени. В СССР, например, в 70-80-х годах осуществлялось оставшееся незаконченным в силу известных причин грандиозное панельное исследование эволюции жизненных ценностей поколения советских людей 60-х годов рождения (руководитель – проф. М.Х.Тутма).

Уже на примере повторного сравнительного анализа мы видим, что общая социология – не просто область теоретической социологии. Наряду с безусловно преобладающими в ней проце-

дурами и методами теоретического анализа, в общей социологии широко используется и методология эмпирического анализа с присущими ей акцентами на описательность, систематизацию, квантификацию, индуктивный вывод. Это имеет место потому, что эмпирическое познание может быть связано с исследованием не только отдельных явлений, но и их целых классов, описывая в этом случае сходные свойства этих классов.

Особое значение имели и имеют в этой связи индуктивный вывод, статистические, сравнительные и монографические описания.

Индуктивный вывод является эмпирическим вариантом типологического анализа. Его содержание – в группировании (обобщении) наблюдаемой совокупности явлений в несколько классов состояний на основании выделения каких-то реально существующих признаков этих состояний. Так, знание о брачном составе (структуре) данного общества мы получаем, группируя все население бракоспособного возраста на основе такого объективного признака, как отношение к браку. И тогда получаем 4 класса состояний: состоящие в браке; прекратившие это состояние в силу смерти одного из супругов или развода; никогда не состоявшие в браке. Электорат любой страны по итогам голосований может быть сгруппирован на основе таких критериев, как участие или неучастие в выборах, характер голосования, региональные и социально-групповые распределения голосовавших и т.д.

В ходе индуктивного вывода научная мысль движется от конкретного к общему, ее итог – выделение специфических и вполне объективных общих типов существования изучаемых явлений, их структурных, функциональных и временных взаимоотношений. Но индуктивная типологизация возможна лишь с накоплением значительной массы знаний об объекте, и сама строгость получаемых выводов во многом зависит от степени этого накопления. Сформулированная в середине XIX века на основе европейской истории, марксистская типология исторического процесса – рабовладение, феодализм, капитализм – оказалась совершенно недостаточной в проекции на общемировую историю. Но и с учетом этой ограниченности индуктивный вывод остается одним из основных рабочих инструментов общей социологии.

Столь же важное значение для нее имеет статистическое описание, ибо только оно дает возможность для строгого определения как статики, так и динамики любых классов и систем явлений и процессов. Только статистика позволяет обеспечить строгое сравнение исследуемых явлений, только она делает возможными повторные исследования и объективную проверку результатов исследования. Но применение статистического описания во многих случаях оказывается затрудненным в силу того, что далеко не все социальные реалии представляют собой какие-то массовые совокупности, легко поддающиеся непосредственному измерению. Многие социальные состояния ("ассимиляция", "адаптация", "конфликт", "консенсус", "национализм" и т.д.) представляют собой явления непрерывного порядка, такому непосредственному изменению не подлежащие. Но если учесть, что все подобные явления всегда имеют определенную степенную выраженность, то, следовательно, дело лишь в том, чтобы суметь найти соответствующую методику, позволяющую количественно выразить это степенное многообразие.

Старейшим эмпирическим методом общей социологии является сравнительный метод. Его не надо путать со сравнительно-историческим методом: последний выявляет временную последовательность сходно-различных состояний, т.е. их историческую динамику. Сравнительный же метод обнаруживает сходства и различия в их временном сосуществовании, т.е. в статике, и существует в двух вариантах:

– сравнительно-сопоставительный анализ: выявление специфической природы качественно разнородных объектов, например, города и деревни как систем расселения, труда умственного и физического и т.п.;

– сравнительно-ситуационный анализ: выяснение специфических отличий однородных явлений, находящихся в различающихся условиях существования: городская общность в условиях различных социально-экономических порядков, системы образования, здравоохранения и т.д. в разных странах или регионах одной страны и т.п.

Сравнительный анализ подчинен ряду методических правил, обеспечивающих его высокую познавательную ценность:

во-первых, сравнивать можно лишь объекты, обладающие общими основаниями (признаком);

во-вторых, сравнение должно идти по существенным для рассматриваемых объектов признакам;

в-третьих, при сравнительном исследовании объектов разных уровней (высоты) организованности сопоставимы лишь объекты аналогичных степеней организованности.

В последние десятилетия все большее распространение получает современный вариант монографического описания – метод частного случая ("кейс-стади"). Специфика монографического метода вообще, кейс-стади – в частности, в детальном всестороннем описании какого-то единичного социального состояния, позволяющем с помощью этого частного примера получить достаточно полное знание об исследуемых явлениях и процессах в целом. При невысокой репрезентативности таких описаний они очень популярны в меру достаточной для многих научных и практических целей информативности, а также относительной простоты и дешевизны их организации.

1.3. Динамика объективного и субъективного в социальной истине

Среди методологических проблем социологии одним из важнейших является традиционный для всякого знания вопрос: насколько объективно и, следовательно, достоверно, истинно то знание, которое мы получаем в результате социологических исследований.

Общегносеологическая проблема истинности научного знания

Ответ на этот вопрос во многом будет зависеть от наших общегносеологических установок. Они могут быть: – объективистскими: процесс познания есть отражение в голове человека вне и независимо от него существующей реальности;

– агностическими, признающими существование внешней реальности, но отрицающими возможность какого-либо достоверного знания о ней в силу несовершенства познавательных возможностей человека;

– субъективистскими, отождествляющими процесс познания с процессом созидания, творения человеком той реальности, которую он познает.

Для объективистов (материалисты и объективные идеалисты) со времен Аристотеля истинным знанием является знание объекта таковым, каким он является на самом деле. Другими словами, всякое знание есть отражение объекта в сознании человека, истина же есть воспроизведение в сознании исследователя точной картины объекта. Это так называемая теория корреспонденции (соответствия), и она, следовательно, исходит из возможности достоверного отражения объекта, т.е. отражения его таким, каков он на самом деле. Для агностиков, исключая возможность такого объективного познания, невозможна и какая-либо претензия на объективно-истинное содержание наших знаний. Соответственно, под истиной здесь будет пониматься либо система логически согласованного, непротиворечивого знания (теория когеренции), либо знание, приводящее к полезным результатам (прагматическая концепция истины). И, наконец, для субъективистски настроенных ученых истинное знание будет состоять в суждениях, с истинностью которых все согласны (теория общезначимости истинного знания) или в суждениях, построенных по определенным правилам в меру договоренности между учеными (наподобие правил игры в шахматы, карты и т.п.) – теория конвенционализма.

Оценивая мировоззренческую базу современной мировой социологии, известный американский метасоциолог Дж. Тернер приходит к такому выводу: "Общим в основных попытках большинства социологов понять общество служит предположение о том, что образцы социальных организаций являются реальными и внешними сущностями, которые могут быть описаны и изучены посредством использования различных теоретических концепций и методологий. У сторонников различных концептуальных перспектив в социологии нет разногласий по вопросу о том, что общество – это "нечто вне" существующее и ожидающее своего "изучения"⁴. Хотя есть, конечно, и исключения из этого правила, например, субъективистская этнометодология.

---

⁴ Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985. С. 418.

Из этих слов следует, что гносеологической основой современного социологического знания выступает преимущественно теория корреспонденции, и, соответственно, проблема истинности социологического знания сводится, в основном, к проблеме точности описания и объяснения социальных реалий. Но именно здесь социологию подстерегают большие познавательные трудности как общие для всей науки, так и специфичные – только для наук социального цикла.

Общенаучные трудности объективно точного познания связаны в части описания, во-первых, с субъективной избирательностью нашего индивидуального отражения действительности. "Врет как очевидец" – известная формула следственной практики, фиксирующая реальную избирательную выборочность отражения любого события в сознании его свидетелей и соучастников. Во-вторых, с возмущающей (искажающей) ролью самого исследователя. Число замужних женщин по итогам переписи населения всегда существенно больше числа женатых мужчин: в меру высокого авторитета брака даже случайному человеку-переписчику намеренно сообщаются о себе более престижные, по мнению опрашиваемой, данные. Персональные опросы выходящих после голосования избирателей о характере их голосования также никогда не совпадают с реальными итогами голосования на участках. В-третьих, сказывается деформирующее влияние и принятой методики исследования: неточность выборки, содержание и последовательность вопросов, неадекватность методов объекту и т.д.

Еще сложнее ситуация с обеспечением высокой точности объяснения объекта исследования. Это определяется уже тем, что не существует прямого логического механизма перехода от эмпирического (описательного) знания к теоретическому знанию. С другой стороны, в теоретическом познании всегда особо велико влияние сложившихся в данной науке стереотипов познания, его парадигм. И, наконец, на результатах теоретического исследования сильно сказывается сама степень развитости исследуемого объекта: полноценное теоретическое знание об объекте может быть получено лишь при исследовании его вполне зрелых состояний.

Бурное развитие в XX веке методологии социального познания показало, что на все эти серьезные общеметодологические труд-

ности познания в социальных науках накладываются еще и специфические проблемы познания, присущие только им.

В социальных науках, поскольку общественную жизнь творят сознательные люди, по общему правилу преследующие какие-то свои цели, всякое объяснение общественных фактов оказывается возможным лишь с позиций понимания их субъективной мотивации, смыслового референта, стоящего за этими фактами. Иными словами, объективность познания в социальных науках предполагает познание не только объективных характеристик соответствующих социальных реалий, но и их субъективных начал.

Другая, по выражению М.Вебера, "самая вредная особенность" социального познания состоит в том, что в социальном исследовании исследователь не внешен по отношению к исследуемой реальности, как это имеет место в естествознании, а наоборот, полностью включен в реалии общественной жизни, "ничто человеческое ему не чуждо", и поэтому он не может быть таким беспристрастным наблюдателем, как естествоиспытатель. Любопытную зарисовку в этой связи мы находим в учебнике социологии Н.Дж.Смелзера. Согласно ряду американских исследований, опирающихся на медицинскую статистику, тяжелыми формами психического расстройства страдают в основном выходцы из низших слоев населения. Однако, замечает Смелзер, "достоверность этих данных вызывает сомнение... Существует вероятность, что врачи, выходцы из средних и высших слоев общества, не всегда объективны и склонны считать психическими больными, в первую очередь, пациентов из низшего слоя"⁵.

Социология знания и социальная детерминация общественного познания

результаты – с 20-х годов нашего века становится специальным предметом исследования новой метасоциологической дисциплины – социологии знания. Ее основоположниками явились два немецких теоретика – Макс Шелер и Карл Маннгейм. За последующую 70-летнюю историю социология знания убедительно доказала, что всякое общественное познание есть отражение общественной

Вот это влияние наличествующих общественных условий на социальное познание – его проблематику, позиции,

---

⁵ Смелзер Н.Дж. Социология. М., 1994. С. 264–265.

действительности, опосредованное не только логическими и гносеологическими механизмами, как это характерно для естествознания, но и многообразными факторами социального порядка, получившими обобщенное название "факторов социальной детерминации" общественного познания.

В целом, их оказалось возможным свести к двум основным типам социальной детерминации – идеологическому и так называемому "культурному фону". Со времен К.Маркса под идеологией понимается выражение и защита групповых (классовых, национальных, конфессиональных и т.д.) интересов теоретическими средствами. Идеология может носить вполне сознательный характер. Таковы, например, требования принципа партийности в марксистском обществензнании. Но гораздо чаще она проявляет себя в неосознанной форме – как стихийное отражение в творчестве исследователя его социального происхождения и положения, политической (партийной) принадлежности, участия в общественной жизни и т.д. Факты такой идеологической детерминации известны давно. Еще Гоббс утверждал, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы власть имущих, их бы давно оспорили. Научный анализ идеологии начинается с рождения концепции материалистического понимания истории К.Маркса, предположившей факт зависимости любого продукта общественного сознания от соответствующих социальных и исторических условий. Несколько позже идеологическая детерминация социального знания была подробнейшим образом проанализирована Г.Спенсером в его фундаментальном труде "Социология как предмет изучения". В итоге исследования он пришел к пессимистическому выводу, что социолог "не может совершенно избавиться от понятий и чувств, которые внушаются его жизненной связью с обществом. Значит, в этом случае является такое затруднение, какого не представляет никакая другая наука"⁶.

В XX веке со специальным анализом идеологичности социального знания, заложившим основы современной социологии знания, выступает К.Маннгейм. Объективное истинное знание, по его мнению, до сих пор было возможно лишь в естествознании, где исследователь беспристрастен в своем отношении к объекту исследования. Социальный исследователь такой беспристраст-

---

⁶ Спенсер Г. *Социология как предмет изучения*. СПб, 1896. С. 70.

ности лишен, и поэтому имеющееся социальное знание не может претендовать на истинность, оно всегда идеологизировано и отражает объект не столько таким, каким он есть, сколько таким, каким он виден с позиций интересов соответствующих групп. При этом Маннгейм различал собственно идеологии – научные знания, так или иначе отражающие интересы господствующих в данном обществе социальных сил, и утопии – знания, отражающие интересы дискриминируемых групп. Первые всегда апологетичны и направлены на поддержание стабильности в обществе, вторые – критичны и направлены на разрушение этого общества. С превращением дискриминируемой группы в господствующую соответствующая утопия развивается в идеологию. Соответственно, имеют место и обратные процессы – от идеологии к утопии.

Другой и более широкий тип социальной детерминации общественного знания – "культурный фон" – охватывает разноплановые социальные влияния на исследователя и его научную деятельность. Это и представленные в данном обществе и группе мировоззренческие установки, морально-правовые нормы, эстетические и политические взгляды, воспринятые в ходе социализации. Это и "дух времени", отражающий специфические условия жизни данного общества в данное время, это и специфика личной жизни, карьеры и т.д. данного ученого. "Социальная среда мыслителя определяет целую систему убеждений и теорий, которые представляются ему безусловно истинными или самоочевидными"⁷.

Американский социолог Н.Дж.Смелзер, проанализировав этот тип социальных влияний в специальной работе "Социология: влияние извне"⁸, обращает внимание на то, что уже сама проблематика социальных исследований в разных странах несет отпечаток своеобразия этих стран. Для Латинской Америки, например, характерна высокая степень политизированности исследований, для США – прагматичность, для Европы – интерес к теории и методологии. Многочисленные исследования в США по проблеме социальной мобильности фактически ограничены кругом вопросов, связанных с индивидуальной мобильностью "вверх", что отражает типичный для страны культ индивидуализма и личного успеха. Смелзер обращает внимание и на четкую корреляцию

---

⁷ Поплер К. *Открытое общество и его враги*. М., 1992. Ч. 2. С. 240.

⁸ *Социологические исследования*. 1990. N 4.

тематики исследований с особенностями текущей жизни и страны: движение за гражданские права, молодежные "бунты", Вьетнам, всплески феминизма и т.д.

Возможна ли общественная истина в социальном познании?

Все сказанное подводит к естественному вопросу: а возможна ли вообще объективная истина в социальных науках? Распространенный с рубежа XIX-XX вв. ответ гласит: конечно, невозможна.

Именно поэтому в общепринятой мировой терминологии термин "наука" относится исключительно к естествознанию.

Но эта нигилистическая позиция разделяется далеко не всеми. С начала XX века большую известность и поддержку получает выдвинутая М.Вебером идея "свободы от ценностных суждений" в научном познании. Согласно ей, объективность социального познания вполне достижима, если обществовед, зная об угрожающей ему опасности социального пристрастия, поставит себе целью избежать этой опасности, быть строго объективным в своих исследованиях, не смешивать "научное толкование фактов и оценивающее размышление".

В русле этой концепции выступил и К.Маннгейм. Мы видели уже, что он приходит к выводам нигилистического порядка, но это только относительно реально имеющегося знания. В перспективе же объективное социальное знание вполне возможно, ибо творящая его гуманитарная интеллигенция, по мнению Маннгейма, внеклассова по своему социальному статусу и, следовательно, вполне свободна в своей умственной деятельности. Важно лишь помочь "свободно парящему интеллекту" интеллигенции в повседневном критическом самоанализе творческих результатов с точки зрения преодоления возможных проявлений социальной предвзятости.

Другой подход к обоснованию возможной научной объективности социального знания был предложен марксизмом. Его исходное основание, сформулированное Марксом, – безусловное признание закономерной идеологичности любого социального знания. Но именно эта всеобщность идеологизации социального знания обуславливает ее необходимую разнонаправленность в условиях сложноорганизованного общества с его реальным многообразием интересов борющихся социальных групп. Соответ-

ственно, всегда находятся социальные силы, интересы которых на данный момент предполагают поиск именно объективного знания. Таковой была, по мысли Маркса, и буржуазия в период ее становления и революционной борьбы за власть, что и сделало возможным, например, рождение на рубеже XVIII-XIX вв. научной политэкономии. Но вместе с приходом буржуазии к власти "пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заканчиваются предвзятой, угодливой апологетикой"⁹.

Отправляясь от этих идей К.Маркса, В.И.Ленин на рубеже XIX-XX вв. создает концепцию партийности социального знания, суть которой в признании необходимости "при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы"¹⁰, ибо "жить в обществе и быть свободным от общества нельзя"¹¹. Отмечая невозможность "беспристрастной" социальной науки в обществе, построенном на классовой борьбе, В.И.Ленин различал при этом разные масштабы этой пристрастности применительно к разным формам научного знания и, соответственно, разные уровни научной объективности в социальных исследованиях. В рамках эмпирических, фактологических исследований их идеологическая "нагрузка" минимальна, ибо в точном отражении конкретных сторон общественной жизни заинтересованы практически все социальные силы и к тому же всякое отступление от истины здесь быстро приводит к потерям в практической работе. Другое дело – область социальной теории, раскрывающей и характеризующей принципиальные основы общественной жизни, и поэтому обнаруживающей максимальную идеологизированность. "Ни единому профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в од-

---

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. С. 17.

¹⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 1. С. 419.

¹¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 12. С. 104.

НОМ слове, раз речь заходит об общей теории политической экономики"¹².

Истина как процесс

В.И. Ленин высказывал и очень глубокую мысль об истинном знании вообще, социальной истине в частности как продукте исторического процесса накопления все более верного (абсолютного) знания. Но в мировую науку эта идея вошла в основном благодаря работам крупнейшего английского методолога XXв. Карла Поппера. Рассмотрев призывы социологии знания к критическому самоанализу учеными результатов своей исследовательской деятельности как метода обеспечения научной объективности, английский методолог установил полнейшую бесперспективность этих предложений в силу их принципиальной нереализуемости. Истинность любого знания, подчеркнул Поппер, достигается не в силу решимости отдельных ученых стать объективными в своих исследованиях (эта решимость не может отменить их реальной социальной детерминированности), а в ходе свободного научного обсуждения и критики всех публикуемых научных данных. "Она есть результат дружески враждебного сотрудничества многих ученых"¹³. При этом научные результаты редко рождаются сразу в законченно истинном виде. Как правило, они имеют характер гипотез, и лишь по итогам длительного развития научного знания из этих относительно истинных знаний рождается собственно истина, и этот путь проходит любое знание, следовательно, и интересующее нас социальное.

1.4. Социальная реальность как объект и предмет социологического исследования в его историческом развитии

Понятия объекта и предмета научного исследования

Зрелая методология научного познания различает понятия объекта и предмета научного исследования.

---

¹² Ленин В.И. ПСС. Т. 18. С. 363.

¹³ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 251.

Под первым – объектом исследования – принято понимать тот фрагмент реальной действительности, который подлежит изучению в данной области знания. Объект исследования всегда внешен к исследователю (именно – "объект") и зависит как от содержательного аспекта исследования – методологического или предметного, так и от уровня рассмотрения изучаемого вопроса – общего, частного или конкретного. Отсюда – специфичность объектов методологического и предметного типов исследования, а в рамках последнего – общего, частного (в рамках частного – специального и отраслевого) и конкретного исследования, их несовпадемость друг с другом: объект исследования метасоциологии – сама социология, объект исследования предметной социологии – социальная реальность, причем общая социология будет иметь своим объектом социальную реальность, взятую в ее целостности; частные социологии – ее отдельные подсистемы, частные фрагменты; конкретные исследования – какие-то единичные выражения социальных явлений и процессов.

Но социальная реальность исследуется не только социологами. Нет такой общественной науки, которая так или иначе не изучала бы социальную реальность. И главный вопрос в этой связи – в чем же специфика именно социологического познания этой реальности? И здесь мы переходим к проблеме предмета социологических исследований, т.е. к уточнению тех специфических познавательных задач, которые ставит перед собой в исследовании данного объекта именно данная конкретная наука, в нашем случае – социология. И если в признании объектом социологических исследований именно социальной реальности особых разногласий между социологами никогда не возникало, то в понимании конкретного предмета социологических исследований, наоборот, всегда имело место большое разнообразие суждений. Во многом это объясняется неоднозначностью самого понятия "социальное". Исторически оно возникает в науке нового времени в ходе осознания ею специфических особенностей общественной жизни, выделяющих общество из мира природы. С этой точки зрения социальное и есть общественное. И сегодня в этом смысле слова мы говорим о социальных законах, социальной революции, социальном и биологическом в человеке, о социализации подрастающего поколения и т.д.

Синтетическая трактовка объекта и предмета социологии

Вот это широкое понимание социальной реальности как общества в целом в его отличие от мира природы и легло в основание исторически

первой трактовки объекта исследований социологии, получившей название синтетической трактовки объекта и предмета социологии. Ее суть – объектом исследования социологии является общество и законы его функционирования и развития. Сам термин "социология", предложенный в середине XIX века О.Контом, означает дословно "учение об обществе". При этом социологи первого поколения и их ближайшие последователи еще не различали понятий объекта и предмета науки и поэтому дружно склонялись к прямому отождествлению социологии как науки об обществе со всем обществознанием как таковым. Конкретные общественные науки – политэкономия, юриспруденция, этика, этнография и т.д. – рассматривались в этой связи как частные разделы единой общественной науки – социологии, представляющей собой некий грандиозный "интеллектуальный синтез" всего обществоведческого знания. Отсюда название этой первой ранней формы синтетизма – энциклопедическая социология.

Но такое расширительное понимание познавательных задач социологии делало ее, по сути, простым собирательным термином для всей группы общественных наук. "Получилось новое название, но не новое знание"(Г.Зиммель). К тому же отмеченные "поглотительные" претензии новой науки не нашли понимания и поддержки остальной массы обществоведов – представителей конкретных общественных наук.

Как реакция на эти слабости энциклопедизма на рубеже XIX-XX вв. начинают формироваться более глубокие формы синтетизма – формальная и генерализующая трактовки объекта и предмета социологии. Первая из них связана с именем крупнейшего немецкого социолога Георга Зиммеля. Не ставя под сомнение понимание объекта социологии как общества вообще, Зиммель высказывает глубокую идею о необходимости вычленения при этом специфичного именно для социологии "угла зрения" на общество, т.е. одним из первых в мировой науке осознает необходимость различения объекта и предмета исследования. Коротко суть концепции Зиммеля такова. Сложившиеся общественные науки исследуют конкретное содержание соответствующих явле-

ний и процессов общественной жизни. Социология же сосредотачивается на изучении всеобщих абстрактных форм существования этих явлений и процессов – "чистых форм социализации". Так, например, отношения господства и подчинения в реальной общественной жизни имеют очень многообразное конкретное выражение. Но в этом многообразии есть обязательно и что-то общее, что только и позволяет эти конкретно-различные явления и процессы объединять общим понятием "господство и подчинение". Вот это общее содержание, так сказать, "господство и подчинение в чистом виде", и будет, по мысли Зиммеля, изучаться социологией, призванной стать чем-то вроде "социальной геометрии". Итак, объект исследования – общество, а предмет его именно социологического изучения – всеобщие формы социального общения, – такова предложенная Г.Зиммелем "формальная" трактовка объекта и предмета социологии. Она имела своих последователей – французского социолога С.Бугле, немецкого социолога Л.фон Визе и др., но в целом широкой поддержки в социологических кругах не получила, ибо на практике приводила к превращению социологии в область социально-философской логики.

Но сама методологическая идея необходимого различения объекта и предмета научного исследования оказалась прочно удержанной социологической мыслью, и на рубеже XIX-XX вв. начинает активно формироваться (трудами В.Вундта в Германии, Р.Вормса во Франции, В.Парето в Италии, Ф.Гиддингса и Д.Балдуина в США, Г.де Грифа в Бельгии, Н.И.Кареева, В.М.Хвостова, П.А.Сорокина в России) наиболее развитая концепция синтетизма – генерализирующая трактовка объекта и предмета социологии. Согласно ей, социология есть общая ("генеральная") теория общества, т.е. наука об общих законах организации и эволюции общества. Как таковая, она является теоретическим и методологическим фундаментом всего остального обществознания, формируясь и развиваясь при этом на основе обобщения его данных. Устраняя наиболее одиозную черту энциклопедизма – отождествление социологии с обществознанием в целом, генерализм, как и формализм, полностью сохранял типичную для синтетизма убежденность в чисто теоретической природе социологии, не имеющей собственной эмпирической базы и существующей исключительно на основе "интеллектуального синтеза", добываемого остальными общественными науками знания. Но

такое понимание предмета социологии обрекало ее на неизбежное дублирование социальной философии, также исследующей всеобщие основания общественной жизни путем теоретического синтеза всего общественного знания.

Иными словами, формальная и генерализирующая трактовки смягчали общие недостатки синтетической концепции объекта и предмета социологии, но не устраняли их. Следствием этого и явилось рождение в конце XIX в. первого большого кризиса предметных оснований социологии, приведшего к широкому распространению среди обществоведов сугубо скептических прогнозов относительно вероятного будущего социологии. Многие из выдающихся деятелей науки этой эпохи – философ В. Дильтей и историк Н. Фюстель де Куланже, экономист Р. Штаммлер – прямо отказывали социологии в праве на дальнейшее существование как "мнимой науке".

Аналитическая трактовка объекта и предмета социологии

Выход из этого кризиса был найден в начале XX века теми, кто счел возможным в

целом отказаться от синтетической интерпретации объекта и предмета социологии, перейдя к принципиально иной, аналитической его трактовке.

Суть новых представлений сводилась к следующему.

Во-первых, специфичным для социологии объектом ее исследований является не общество в целом (это объект исследования обществознания как такового) и не общая теория его бытия и всеобщих форм его существования (это объект исследования социальной философии), а одна из частных, конкретных областей или сторон общественной жизни. Но это означает, что на смену привычному для классической социологии теоретическому синтезу добытых другими науками знаний должен прийти конкретный анализ выделенной в качестве объекта социологии сферы действительности. Другими словами, социология превращалась из науки абстрактно-философского типа в науку аналитического типа, подобную другим общественным наукам, изучающим какие-то сферы общественной жизни, – политэкономии, праву, демографии, этнографии и т.д. При этом утрачиваются обычные для старой социологии претензии на роль теоретического и методологи-

ческого базиса общественознания, но зато приобретает самостоятельную базу эмпирических исследований.

Во-вторых, переход от синтетизма к аналитизму в изучении объекта и предмета социологии сопровождался кардинальными переменами в характеристике самого понятия "социальная реальность". От ее широкой трактовки "социальное есть общественное", лежавшей в основе синтетизма, происходит переход к более узким трактовкам, связывающим социальное уже не с обществом как таковым (в этом смысле теперь используется термин "социетальное"), а с одной из его конкретных областей или сторон. Типичное для социологии всех времен утверждение – социология есть наука о социальной реальности – сохраняет свою полную силу, но само содержание понятия "социальная реальность" становится качественно другим, более узким и специальным.

Разделяя эти общие посылки аналитизма, его сторонники вместе с тем сильно различаются в конкретном понимании того, что же именно в многообразии общественной жизни может быть охарактеризовано в качестве "социальной реальности" и, соответственно, в качестве объекта социологических исследований. Так, для одного из родоначальников аналитизма – французского социолога рубежа XIX-XX вв. Эмиля Дюркгейма, социальная реальность – это вся область надындивидуальной жизни общества. Она представлена, во-первых, коллективными (общественными) способами действия, мышления и чувствования: законодательством, обычаями, языком, религиозными и моральными нормами и т.п. Во-вторых, коллективными формами бытия; сложившимися в данном обществе формами общения, спецификой расселения (городское или сельское, оседлое или кочевое и т.д.), брачными формами, плотностью населения и его подвижностью и т.д. Взятые вместе коллективные формы бытия, действия и психики ("социальные факты") и образуют "внутреннюю социальную среду" общества. Для этой социальной среды (сферы) характерно: 1) строгая объективность существования, независимость от индивидов и внешность по отношению к ним: рождаясь, люди застают в готовом виде вполне определенную социальную среду, в которой им и предстоит жить; 2) строгая принудительность по отношению к индивидам: вся их жизненная практика строится на основе конкретных особенностей данной социальной среды – языка, законов, обычаев и т.д. Вот так интерпретируемая социальная реальность и

является, по определению Дюркгейма, "собственной областью социологии", сосредотачивающейся на исследованиях генезиса и функционирования конкретных социальных явлений и социальной среды в целом. Концепция Э.Дюркгейма положила начало оказавшейся очень перспективной для социологии XX в. сферной (видовой) трактовки объекта и предмета социологии.

Другая трактовка содержания социальной реальности была в те же годы предложена австрийским социологом Людвигом Гумпловичем. Отправной тезис его концепции состоял в том, что элементарными клеточками общества являются не отдельные индивиды, а их так или иначе организованные совокупности – общества и группы, вне которых человека нет. Социальное же – это область взаимоотношений как этих общественных коллективов, так и самих людей, выступающих в качестве членов этих коллективов. Соответственно, по мысли Гумпловича, задача социологии состоит в изучении самих первичных элементов – групп; человека как продукта и члена этих групп; социальных процессов как процессов взаимодействия групп и личностей, их представляющих. Социология – наука о многообразных формах совместной ("ассоциативной") жизни людей, их структуре, развитии и взаимоотношениях, а также о человеке как продукте и представителе этих групповых форм – такова позиция Л.Гумпловича, положившая начало также очень популярной в социологии XX в. ассоциативной (социально-структурной) трактовке объекта и предмета социологии (Т.Ахелис, Г.Майр, В.Зомбарт, Я.Щепаньский и др.). С начала века начинается формирование, а с 20-30-х годов быстрое развитие еще одной концепции, связанной с узким пониманием социального – акционистской. Среди ее основателей – американские социологи Р.Парк, Э.Берджесс, Ф.Знанецкий. В Европе же становление акционизма связано прежде всего с именем Макса Вебера. "Не все типы взаимоотношения людей носят социальный характер", – такова отправная посылка Вебера. "Социально только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других"¹⁴. Но если это так, то основной задачей социологии, по Веберу, является изучение тех мотивов, которые лежат в основе именно социального общения людей. "Социология есть наука,

---

¹⁴ Вебер М. Избр. пр. М., 1990. С. 626.

стремящаяся истолковать, понять социальное действие"¹⁵. Но тем самым М.Вебер сделал большой шаг к фактическому отождествлению социологии с социальной психологией, этим опять-таки лишая социологию самостоятельного предмета исследования.

Функциональная трактовка объекта и предмета социологии

Особняком относительно рассмотренных концепций стоит функциональная теория

объекта и предмета социологии, сложившаяся к середине XXв. и сочетавшая характерные черты как синтетизма, так и аналитизма. Среди ее ведущих представителей – Т.Парсонс, Дж.Тернер, Л.Козн, Э.Гидденс. Согласно функционализму, объектом социологических исследований являются многообразные социальные (общественные) системы, т.е. так или иначе упорядоченные совокупности взаимоотношений людей, в том числе такая социальная система, как общество. Но социальные системы изучаются не только социологами, констатирует Парсонс. В чем же специфический интерес к ним в социологии? В том, что социология изучает социальные системы лишь с точки зрения их организации и функционирования, т.е. вне процессов их эволюции. Социология с этой позиции есть наука о "сегодня", но не о "вчера" и "завтра". Однако еще в исследованиях родоначальников социологии – О.Конта и Г.Спенсера – было установлено, что ориентация на исследование преимущественно "порядка" (организации) неэвристично, ибо оно хотя и может дать очень строгое описание изучаемого объекта, но закрывает возможность объяснить его: понять причину данного состояния объекта можно, лишь рассматривая его в развитии.

В итоге своих исканий к концу XX в. мировая социология снова оказалась перед лицом теперь уже второго (первый – на рубеже XIX-XX вв.) кризиса предметных оснований социологического знания. Он определяется, во-первых, сохраняющимися тенденциями к поглощению социологии социальной философией (на макроуровне исследований) и социальной психологией (на микроуровне). И во-вторых, растущей разногласий в трактовке объекта и предмета социологии. Американские исследователи Ф.Баали и М.Мур, проанализировав определения предмета социологии

---

¹⁵ Там же. С. 602.

логии в шестнадцати американских учебниках, обнаружили в них восемь разных подходов. "Следует признать, – констатирует немецкий социолог И.Фляйшхауэр, – несмотря на громадное богатство, которое создала за полтора века своего существования эта отрасль знания, в строгом смысле слова, социология не смогла еще стать и утвердиться в качестве науки. В исторической перспективе она постоянно отмежевывалась от устоявшихся наук и сегодня продолжает этот путь методического отделения от них"¹⁶. "Мировая социология как фундаментальнейшая мировоззренческая наука "сбилась с ног" в поисках своего предмета, – отмечает и российский социолог Ю.Н.Давыдов. – Это особенно заметно на протяжении последней четверти XX в., когда так много говорили о "кризисе социологии"¹⁷

Развитие концепции объекта и предмета социологии в истории отечественной науки

Все эти полуторавековые теоретико-методологические изыскания в области оснований социологии находили, естественно, свое отражение и в российской социологии. В досоветский период она находилась в тесной, хотя и очень односторонней связи с мировой социологией и, соответственно, "переболела" всеми рассмотренными выше концепциями того времени. Россия знала свой энциклопедизм (С.Н.Булгаков, П.Л.Лавров, Г.Ф.Шершеневич, К.М.Тахтаров), генерализм (Н.И.Кареев, В.М.Хвостов, П.А.Сорокин), формализм (А.И.Стронин). Утверждение в послеоктябрьские годы идеологической монополии марксизма имело следствием искусственную консервацию в советской социологии лишь одной методологической позиции – генерализма. Это было связано с тем, что уже с 20-х годов научная социология отождествляется с марксистской социально-философской теорией – историческим материализмом. Отсюда необходимая трактовка социологии как общей теории общества. С 60-х годов в рамках общей демократизации советского общества начинаются многочисленные попытки перенесения в отечественную науку сложившихся на Западе аналитических подходов. Первые из них были связаны с именами

---

¹⁶ *Пути развития социологии и социологического образования. СПб, 1994. С. 37.*

¹⁷ *Социологические исследования. 1990. N 9. С. 50.*

Ю.А.Левады, Н.Ф.Науумовой, Р.В.Рывкиной, придерживавшихся функционалистских взглядов. Они были пресечены административным путем. Большой успех имели попытки опереться на ассоциатизм, который при этом маскировался под специфически марксистскую концепцию: еще на рубеже 60-х годов В.П.Тугариновым и В.П.Рожиним был выдвинут тезис о специфически марксистском понимании социального как области взаимоотношений между разнообразными социальными общностями – классами, нациями, профессиями, брачно-семейными группами и т.д. Эта позиция получила широкую поддержку в философской и социологической литературе (И.В.Бестужев-Лада, А.В.Дроздов, В.Н.Иванов, М.Н.Руткевич, В.А.Ядов и мн. др.), что и позволило В.А.Ядову сформулировать четкий тезис: "Социология сегодня – это наука о социальных общностях, механизмах их становления, функционирования и развития"¹⁸.

В 90-х годах рождается и первая серьезная отечественная вариация на темы акционизма. В серии работ Ж.Т.Тощенко, соглашаясь с ассоциатизмом в том, что "совокупность соответствующим образом организованных, исторически сложившихся форм совместной жизнедеятельности" людей (иначе, "гражданское общество") и является специфическим объектом исследования социологии, предмет этого исследования определил в традициях именно акционизма: "Социология – это наука о движущихся силах сознания и поведения людей как членов гражданского общества"¹⁹. Близкие взгляды на предмет современной социологии в эти же годы высказывал А.Г.Здравомыслов²⁰.

Социология как наука о сфере воспроизводства человека Но с тех же переломных 60-х годов ведет свою историю и характерная именно для нашей страны методологическая позиция, связывающая понятие социальной реальности – "социальной сферы общественной жизни" – с непосредственным удовлетворением многообразных потребностей человека, или, говоря более теоретично, с воспроизводством человека как индивида и личности. Дело в том, что, пока социологи спорили, в адми-

---

¹⁸ См.: *Социология и перестройка*. М., 1990. С. 188.

¹⁹ Тощенко Ж.Т. *Социология*. М., 1994. С. 14, 25.

²⁰ См.: *Социологические исследования*. 1993. N 7. С. 152.

Стративно-правовой практике всех развитых индустриальных государств сложилось вполне определенное понимание социального как именно "сферы обслуживания человека" в широком смысле этого слова. Именно такое понимание социального, найдя свое отражение в бесчисленных новых понятиях типа "социальное государство", "социальные расходы", "социальная защищенность", "социальные службы", "социальная работа", "социальная политика" и т.д., получило закрепление в разнообразных государственных и международных документах, включая Конституции многих стран.

Согласно предложенной новой концепции социального (М.Н.Перфильев, И.М.Слепенков, Л.В.Буева, С.А.Шавель, А.К.Уледов и др.), в рамках общественной жизни можно выделить четыре ее большие функциональные сферы: экономическую, ответственную за производство, распределение и обмен потребных обществу материальных благ (продуктов и услуг); духовную, отвечающую за производство, функционирование, развитие и сохранение потребных обществу духовных благ; политическую, обеспечивающую в условиях цивилизации управление обществом; социальную, реализующую функцию непосредственного воспроизводства человека как биологического индивида и общественной личности. Так понимаемая социальная сфера общества оказывается явлением чрезвычайно сложным и многоплановым. В функциональном отношении к сфере социального будут относиться:

во-первых, все общности и виды деятельности, связанные с непосредственным воспроизводством и поддержанием жизни человека: явления и процессы репродукции (включая всю совокупность отношений родители-дети); бытовые потребности; досуговая деятельность;

во-вторых, все общественные институты, организации и виды деятельности, связанные с приобщением индивида к обществу, т.е. процессы социализации в единстве с обеспечивающими их общественными структурами: системами по воспитанию, образованию, профессиональной подготовке и переподготовке и т.д.;

в-третьих, все виды деятельности и обслуживающие их структуры по обеспечению так называемой социальной защищенности человека: охрана здоровья, детства, материнства и старости; экологическая безопасность, охрана труда и реализация права на труд через систему трудоустройства; материальное обеспечение

по возрасту и нетрудоспособности; реабилитация граждан, оказавшихся в асоциальных условиях.

Соответственно в структурном плане к сфере социального будут относиться все те отрасли народного хозяйства, которые обеспечивают указанную функциональную деятельность. В своей совокупности они образуют так называемую социальную инфраструктуру общества. К ней относятся системы учреждений образования, здравоохранения, культурно-досуговой деятельности, физкультуры и спорта, бытового обслуживания, общественного питания, коммунального и жилищного хозяйства, пассажирского транспорта, гражданской связи, торговли, страхования, социальной защиты.

Рассматриваемая социальная сфера оказывается двойственной по своей онтологической структуре. Она представлена, с одной стороны, непосредственной социальной реальностью, т.е. теми формами общежития и видами деятельности, которые, как мы видели выше, прямо и функционально-непосредственно ориентированы на решение социальных задач. Но существует и другой срез социального – опосредованная социальная реальность. Она представлена такими социальными по своему содержанию явлениями и процессами, которые вплетаются в жизнь других вышеупомянутых сфер общества – экономической, политической, духовной, составляя, как принято говорить, их социальный аспект. Так функциональным назначением трудовой деятельности является создание определенного продукта или услуги. Но в ходе труда меняется не только объект труда, меняется и его субъект, сам работник – накапливается опыт, растет квалификация, меняется должностное положение, вместе с этим меняется материальная обеспеченность, образ жизни, общественный престиж, т.е. меняется социальный статус человека. Эта смена статуса возможна и по другим признакам – травмы, проф. заболевания и т.д. Иными словами, любой несоциальный по своей общественной функции вид деятельности всегда характеризуется и какими-то социальными проявлениями, обладает каким-то социальным аспектом.

Напомним, что отмечаемая двойственность в структуре социальной реальности обусловила, как мы уже знаем, и двойственную структуру частного социологического знания: его распадение на теории специального и отраслевого видов.

тогда в ее составе необходимо выделить, во-первых, социальные связи и процессы, образующие фундамент, базис любой социальной, а во-вторых, закономерные продукты этих связей и процессов – социальные общности и системы (институты, организации).

С позиции рассмотренной концепции мы теперь можем так определить объект и предмет исследования современной социологии: социология является наукой о социальной сфере общества, понимаемой как область непосредственного воспроизводства человека и личности. Соответственно конкретным предметом исследований общей социологии будут выступать общие законы и формы функционирования и развития социальной сферы, взятой в ее целостности; предметами исследований частных социологических дисциплин – законы и формы функционирования и развития частных подсистем социальной сферы и социальных проявлений несоциальных сфер общественной жизни; предметами конкретных социологических исследований – свойства и зависимости отдельных социальных явлений и процессов.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ОТНОШЕНИЯ

2.1. Общественные (социетальные) связи и процессы

Как выше уже было отмечено, социальная сфера общественной жизни своим фундаментальным базисом имеет социальные связи, т.е. связи, обеспечивающие реализацию функциональной роли социальной сферы как области непосредственного воспроизводства человека-индивида и личности. Как таковые, социальные связи выступают одним из специфических классов общественных (социетальных) связей, наряду с другими функциональными классами связей – экономическими, политическими, духовными. Различаясь функционально, все эти классы связей едины в главном – они являются именно общественными связями, т.е. связями, для которых характерно, что не только субъект, но и объект связи всегда и исключительно – личность или ее ролевые выражения. Говоря словами известного французского социолога Г.Тарда, это связи "между субъектом и объектом, который есть в свою очередь субъект".

Вот эта общая специфика – субъект-субъектная природа любых общественных связей – предопределила как единство внутренней организации общественных связей независимо от их функциональной направленности, так и особую сложность этой организации. В ее структуре – три последовательные фазы разветвления общественных связей и два уровня их организации.

Связи общения и их фазовая структура

Первая фаза – психического контакта субъекта и объекта данной связи.

В ее рамках обнаруживается существование возможного объекта связи и устанавливается наличие или отсутствие оснований для такой связи. Не всякий психический контакт ведет к становлению связи, но без него связи тоже нет. Если в ходе психического контакта обнаруживается односторонняя или обоюдная заинтересованность в соответствующей связи, то рождающаяся связь вступает в свою вторую фазу раз-

вертывания – фазу действия. Под действием понимается такой преднамеренный поступок субъекта, который как-то изменяет объект в желательном для субъекта направлении. Вдумаемся в это определение. В нем две очень важные истины. Во-первых, всякое действие всегда связано с каким-то изменением объекта. Если такого изменения не произошло, то и действие не состоялось. Во-вторых, всякое действие всегда носит субъективно-осмысленный характер, оно так или иначе мотивировано и целенаправлено. На эту фундаментальную особенность действия одним из первых обратил внимание М.Вебер. Ему же принадлежит честь выделения частной, но очень важной для человеческого общения формы действия – так называемого социального действия: "социально только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других"²¹.

В содержательном плане действия принято подразделять на:

- репродуктивные, направленные на сохранение и поддержание наличествующих ситуаций;
- отрицательные, направленные на устранение этих ситуаций;
- креативные (творческие), направленные на создание каких-то новых ситуаций.

При внешней простоте любое действие представляет собой сложную систему компонентов. В этой системе можно выделить: 1) действующие лица – субъект и объект (объекты) действия; 2) цель действия; 3) средства и способы действия; 4) результат действия. Поскольку смысл предпринимаемых субъектом действий состоит в навязывании объекту определенного поведения в интересах субъекта, постольку самое важное в этой системе действия – средства и способы воздействия на объект. От правильности (или неправильности) их выбора зависят результаты предпринятого действия. В этой связи все используемые в человеческой практике средства и способы действия при всем их конкретном многообразии могут быть сведены к двум обобщенным типам средств и способов действия: к репрессивному принуждению и стимулированному убеждению. Возможны, конечно, и их сочетания.

Если вызванная действием субъекта реакция объекта в свою очередь становится причиной каких-то изменений субъекта, то связь между действующими лицами переходит в третью фазу

---

²¹ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 626.

своего существования – фазу взаимодействия. Первым социологом, осознавшим особую значимость взаимодействия для организации общественной жизни, был Г.Зиммель, усмотревший в нем объективную сущность общественных процессов. Дело в том, что если действия могут сводиться к каким-то разовым эпизодическим изменениям в объекте, то взаимодействия уже в силу своей сопряженной природы всегда представляют собой какую-то цепочку последовательных изменений, т.е. процесс. Таким образом, всякое взаимодействие существует на базе и в форме процесса, именно взаимодействие составляет причину и внутреннюю основу любого процесса.

Все три рассмотренные фазы развертывания общественной связи характеризуются общей особенностью: это связь именно определенных лиц, а не каких-то их объединений или ролевых групп. Вступать в психический контакт, совершать какие-то действия, реагировать на них могут только конкретные личности. И эта общая черта всех трех фаз развертывания общественной связи обуславливает их выделение в единый уровень организации общественных связей – связи межличностного общения.

Обобщая все сказанное, мы можем теперь выделить такие типичные черты организации общественных связей, рассматриваемых на уровне межличностного общения:

1. Связи межличностного общения (далее: связи общения) всегда персонифицированы, т.е. субъект и объект этих связей всегда представлен исключительно конкретными личностями.

2. В связи общения вступают люди, преследующие какие-то интересы. Поэтому они всегда осмыслены и мотивированы. Соответственно действия, вызванные случайными, независимыми от субъекта связи обстоятельствами (хрестоматийный пример М.Вебера: случайно столкнувшиеся велосипедисты) к связям общения неотносимы. Сама же осмысленность поведения субъекта связи многогранна, ибо включает осознание субъектом связи как своих собственных интересов, так и возможной реакции на них объекта-партнера по связи. Соответственно, и пути реализации своих интересов субъект связи будет строить с учетом этой реакции (реальной и потенциальной) объекта, так или иначе приспособиваясь к ней.

3. В связи общения вступают люди, преследующие какие-то интересы. Каков же механизм реализации этих интересов в рам-

ках осуществляемой связи? Этот вопрос стал специальным предметом исследования для целого направления социально-философской мысли – теории обмена (Дж.Хоманс, П.Блау и др). Она исходит из построенной еще в прошлом веке утилитаристской модели "экономического человека", т.е. человека, поведение которого целиком подчинено задаче: обеспечить себе максимальные выгоды при минимальных затратах. С этой точки зрения всякое общение в содержательном плане представляет собой сбалансированный обмен взаимовознаграждаемыми действиями, приводящими в итоге к чувству удовлетворения, психологического комфорта. При отсутствии такой сбалансированности общающиеся стороны или, по крайней мере, одна из них теряет интерес к продолжению общения, и оно прекращается. Вполне удовлетворительно объясняя те связи, которые строятся по выше выделенному типу действий – "стимулированное убеждение", теория обмена оказывается беспомощной в анализе другого типа действий – репрессивного. Вызывает также сомнение сама возможность подведения всего многообразия людей под единую модель "экономического человека".

4. Каждая состоявшаяся связь общения по способу своего существования всегда процесс, т.е. последовательная цепочка каких-то изменений в субъекте и объекте (объектах) связи. В социологии традиционно – со времен О.Конта и Г.Спенсера – выделяются два возможных типа общественных процессов: процессы функционирования и процессы развития. Под первыми понимаются процессы, так или иначе воспроизводящие данные качественные состояния, под вторыми – нарушающие эти состояния, ведущие к их качественному обновлению. В основе последних – механизмы (процессы) дифференцирования и интегрирования.

Связи отношения Связи общения, устойчиво повторяясь, приводят к рождению качественно отличного от них уровня общественных связей – так называемых отношений. Под последними, т.е. общественными отношениями, понимаются устойчивые, существенные связи, складывающиеся на основе связей общения как их обобщенный результат. Отношения неотделимы от связей общения, выступающих реальной основой их существования, но не тождественны им, ибо:

1. Общение всегда персонифицировано и, соответственно, субъективизировано. Конкретный акт купли-продажи всегда личностен. Отношение купли-продажи, формируясь как обобщение реальных актов купли-продажи, всегда деперсонифицировано и объективно по форме своего существования.

2. Общение всегда эмпирично, наблюдаемо; отношение как продукт обобщения всегда абстрактно и, соответственно, ненаблюдаемо.

3. Субъектами и объектами связей общения всегда выступают личности: А что-то покупает у Б. Субъектами и объектами связей отношения в силу их абстрактности и объективности всегда выступают соответствующие ролевые позиции, общности: покупатель покупает у продавца. Иными словами, связи общения имеют место исключительно между личностями; связи отношения имеют место исключительно между общностями.

Два уровня связей и исторический спор номинализма и реализма

В этой связи полезно остановиться на знаменитой в истории общественно-научной дискуссии социальных реалистов (Конт, Дюркгейм, Гумплович, Зиммель) и номиналистов (Миллс, Спенсер, Тард, Вебер, Хо-манс). Социальный реализм видел субъектов социальных связей исключительно в коллективных образованиях, обладающих статусом самостоятельного существования, не сводимого к простой совокупности индивидов – государство, нация, семья, религия, товарное обращение и т.д. В противоположность реализму социальный номинализм субъектов социальных связей видел исключительно в индивидах и, более того, считал, что общество есть известная совокупность индивидов, и любое общественное образование – государство, этнос, семья – может быть вполне отождествлено с соответствующей совокупностью людей.

Возникнув в середине прошлого века, дискуссия реалистов и номиналистов дожила до наших дней. В свете рассмотренной двухуровневости общественных связей проблема субъектов этих связей обретает принципиально иное решение – каждому уровню связи присущ свой тип субъекта. Но при этом надо учитывать, что и на уровне общения субъектом выступает не просто индивид, а всегда личность, т.е. общественный индивид, представитель каких-то ролевых общностей.

**Социальные связи
(процессы и отношения)
как один из функциональных
классов общественных
отношений**

как наука о социальной сфере общества, особую значимость приобретает функциональная структура этих связей, ибо именно один из классов этой структуры – социальные связи (процессы и отношения) – и образует, как выше уже отмечалось, фундамент, базис социальной сферы общественной жизни.

В соответствии с его функциональной ролью – непосредственным воспроизводством человека как индивида и личности – в рамках этого класса связей представлены такие процессы и отвечающие им отношения, как естественное возрастное движение населения, половые, брачные и семейные связи, воспроизводство социальной структуры общества в ходе и на основе социализации и развития личности, нормативное и отклоняющееся поведение личности, формы коллективного поведения, социальные движения, реализующие права и интересы отдельных социальных групп – молодежи, женщин, потребителей, ветеранов и т.д., территориальные, профессионально-трудовые, системно-расселенческие, этнические и т.д. перемещения, сопутствующие им процессы адаптации и ассимиляции, процессы и отношения бытового потребления, рекреации, формирования и развития социальной инфраструктуры и т.д. Говоря словами Маркса, это та область межчеловеческих связей, где "индивиды как физически, так и духовно творят друг друга".

По своему характеру, организации и происхождению социальные связи могут быть подразделены на две четко различимые группы связей. Одна группа – это связи, которые можно было бы назвать традиционными, классическими социальными связями: половозрастные, брачно-семейные, поселенческие, этнические, бытовые и т.д. Для них характерны, с одной стороны, повышенная историческая устойчивость, а во многих случаях – даже прямая всеобщность, атрибутивность существования: половозрастные, брачные и т.д. связи. С другой стороны, их отличительная черта – строгая объективность существования. Как было показано еще Э.Дюркгеймом, социальные связи этого рода (сам термин "социальная связь" был введен в науку именно Дюркгеймом) воз-

Общественные связи – процессы и отношения – могут быть классифицированы по неограниченному числу оснований. Но для социологии, понимаемой

никают и существуют вне зависимости от наших желаний и воли, предопределяя в то же время многие принципиальные особенности организации нашей общественной жизни. Другая группа социальных связей резко отличима от первой, ибо, во-первых, является продуктом в основном общественных условий индустриального общества XX века и, во-вторых, обязана своим происхождением и существованием социальной деятельности современного государства. К этой группе "молодых" социальных связей принадлежат практически все социальные связи, рождаемые растущей общественной (государственной) защищенностью положения человека в современном обществе: охрана труда и здоровья, экологическая безопасность, пенсионное обеспечение и т.д. Становление и быстрое развитие этой многообразной по своим конкретным проявлениям социальной надстройки и позволяет характеризовать современное общество, постепенно перерастающее в постиндустриальное общество как социально-ориентированное общество.

2.2. Естественное воспроизводство населения

Необходимой предпосылкой всякого социального воспроизводства населения, т.е. воспроизводства его профессионального, брачного, поселенческого, этнического и т.д. состава выступает естественное воспроизводство населения, "естественное движение населения". Оно выражается в процессах рождаемости, смертности, средне-типичной продолжительности жизни. Все эти процессы вполне биологичны по своему непосредственному содержанию, однако формы их реализации во многом детерминируются чисто социальными явлениями, это позволяет говорить о существовании социальной регуляции естественного воспроизводства населения. Эта регуляция состоит как в стихийном, так и в сознательном упорядочивании процессов естественного воспроизводства населения в нужных для общества отношениях.

Социальная регуляция рождаемости Применительно к процессам рождаемости главным регулирующим фактором выступают так называемые "репродуктивные ожидания семьи", т.е. определенная ори-

ентация семьи и женщины прежде всего на желательное для данной семьи число детей в ней. Конечно, при этом приходится считаться с установленными самой природой человека нормами естественной плодовитости женщины: 12-14 рождений за репродуктивный период (16-44 года). Но в этих границах, как показывает исторический опыт, семья достаточно свободна в своем репродуктивном выборе. Известны общества, например, североамериканских колонистов Нового времени, где среднесемейная рождаемость была близка к естественным пределам. Но не менее известны общества с минимальными репродуктивными ориентациями семьи, что характерно, в частности, для современных индустриально-развитых стран.

Такое разнообразие репродуктивного поведения населения уже давно поставило перед наукой ряд вопросов о его конкретных причинах. Итоги растянувшейся на несколько столетий дискуссии можно свести к следующему выводу: репродуктивные ориентации семьи не есть что-то постоянное, наоборот, они весьма изменчивы, причем в строгом соответствии, во-первых, с реальными потребностями данного общества в необходимом для его существования режиме воспроизводства населения и, во-вторых, с реальными потребностями в детях самой семьи.

В аграрную эпоху с ее высокой смертностью любое конкретное общество было безусловно заинтересовано в высокой рождаемости, способной перекрыть эту смертность. Но и сама семья в этом обществе, как правило, также заинтересована в большом числе детей: дети в эту эпоху (и на начальной стадии индустриального общества) – непосредственная рабочая сила и, соответственно, один из источников семейного дохода, гарантия обеспеченной старости родителей, фактор влияния и защищенности семьи в условиях еще слабо выраженной государственности. Соответственно этим совпадающим потребностям общества и семьи "дух времени" аграрного общества обуславливает высокую авторитетность именно многодетной семьи и женщины, бездетность – "проклятье божье", предмет сочувствия и осуждения. Но эта тысячелетиями поддерживавшаяся репродуктивная ситуация в корне меняется с рождением и утверждением индустриального общества. Успехи гигиены и медицины резко сокращают смертность, и вместе с этим падает заинтересованность общества в высокой рождаемости, более того, она может даже стать вредной для об-

щества, обуславливая высокий прирост населения, опережающий рост экономических возможностей общества и усиливающий в нем социальную напряженность. Именно такая негативная ситуация "демографического взрыва" характерна сегодня для большинства стран "третьего мира". С другой стороны, и семья в новых условиях общественной жизни также пересматривает свои "репродуктивные ожидания". Это связано со многими факторами: высокая профессиональная занятость женщин, соответственно, совершенно иной уровень их общей культуры, образования, ценностных ориентаций; уход в прошлое детского труда и, наоборот, резко выросший период социализации детей – с 12-14 до 20-22 лет, что в целом превратило детей из источника семейных доходов в один из главных факторов семейных расходов; становление массового пенсионного обеспечения, снявшего былую необходимость в детях как гарантии старости и т.д. Отсюда – повсеместно утверждающийся в индустриально-развитых странах общественный настрой на семью преимущественно малодетную, превращающий большую семью из "божьего благословения" в источник постоянного раздражения для окружающих.

В целом схема социальной регуляции рождаемости сводится к такой цепочке детерминаций: изменение условий общественной жизни – смена репродуктивных ожиданий семьи – изменения в репродуктивном поведении женщин. Главный же итог рассмотренной истории социальной регуляции рождаемости может быть выражен в следующем тезисе: чем выше степень развитости общества, тем ниже присущие ему показатели рождаемости. И если среднестатистическая женщина современной Африки на протяжении жизни рождает 6,3 раза, то этот же показатель для женщин Латинской Америки – 3,9, Азии – 3,3, Европы и Северной Америки – 1,8.

Конкретным механизмом, обеспечивающим реализацию происшедшей смены репродуктивных ориентаций семьи и женщин, стала сформировавшаяся в современном обществе система сознательных мер, принимаемых семьей и обществом, и получившая обобщенное название "планирования семьи" (или "семейного контроля"). Она включает, с одной стороны, отработку некой совокупности необходимых технических процедур контрацепции (механической, химической, физиологической и хирургической) и искусственного аборта, позволяющих предотвратить или прервать

нежелательную беременность. С другой стороны, она представлена системой мер, легализующей указанные процедуры как в правовом отношении (кодекс Наполеона приравнивал аборт к убийству), так и в морально-религиозном плане. И если правовая и моральная легализация "планирования семьи" в большинстве развитых стран уже состоялась, то отношение к нему большинства религиозных конфессий – католичества, православия, ислама – остается неизменно отрицательным. Исключение составляют лишь некоторые конфессии протестантизма.

Все процессы социальной регуляции рождаемости в условиях сложно структурированного общества по необходимости приобретают дифференцированный характер. Так, хорошо известны факты пониженной рождаемости в городах и повышенной – в сельской местности, что, видимо, объясняется повышенной включенностью в общественную жизнь именно горожан. Несомненно, сказывается на этих результатах и более высокая образованность городского населения, а чем выше уровень образования среднестатистической женщины, тем ниже ее вклад в рождаемость. Это хорошо видно на примере материалов переписи населения СССР 1979 г. На каждую тысячу женщин репродуктивного возраста приходилось детей: в группе женщин с высшим образованием – 1279, со средним – 1365, с неполным средним – 1648, с начальным – 2718, без образования – 3433. В историческом прошлом очень сильны были также сословные различия в рождаемости: сравнительно низкая рождаемость у привилегированных слоев населения и гораздо более высокая – у социальных низов. В современном обществе эти различия почти стерлись.

В то же время вызывают сомнения распространенные утверждения о существовании специфических различий в рождаемости у представителей разных рас, этносов, конфессий. Действительно, в местах традиционного проживания этих общностей обнаруживается определенная специфика рождаемости. Но представители тех же общностей, оказавшись в иных условиях общественной жизни, эту специфику быстро утрачивают, обретая типичные для данных общественных условий параметры рождаемости. В России XIX в. еврейские семьи были известны своей необыкновенной плодovitостью. Оказавшись на рубеже XIX-XX вв. в эмиграции на Западе, евреи эту особенность полностью утратили. Такая же картина с негритянской рождаемостью применительно к Югу и Се-

веру США. А это означает, что специфическая рождаемость в местах традиционного обитания определялась не спецификой данных общностей, а спецификой более глубоких социально-культурных устоев жизни – сельским образом жизни, невысоким образованием, невовлеченностью женщин в общественный труд и т.д.

В центре внимания мировой статистики и социологии всегда стояла еще одна социальная дифференцировка рождаемости – рождаемость в браке и вне его. На рождаемость в браке определяющее внимание оказывают, во-первых, возраст вступления в брак: более ранние браки ведут к более высокой рождаемости, и, во-вторых, тип и форма брака: повсеместно в моногамном браке рождаемость в расчете на женщину выше, чем в полигинном. Что касается внебрачной рождаемости, то вплоть до XX в. она рассматривалась как незаконная и ставила "незаконнорожденных" детей в особые дискриминируемые социальные условия. Некоторая спецификация прав внебрачных детей сохраняется и в современном гражданском праве, что не помешало примерно удвоению внебрачной рождаемости в развитых странах XX в. Сейчас она устойчиво составляет 8-15 % от общей рождаемости. В России – 10-12 %, с некоторыми всплесками до 15-25 % в ряде республик – Туве, где сохраняются традиции полигинии, официально не фиксируемые, на Северном Кавказе, где сохраняется брак на основе шариата, также официально не фиксируемый. Современная Россия обнаруживает и некоторую специфичность в соотношении городской и сельской внебрачной рождаемости. Традиционно для зарубежных стран и российской истории явное преобладание внебрачной рождаемости в городах, особенно больших. Но Россия с середины XX в. обнаруживает более высокую внебрачную рождаемость именно в селе, что говорит о глубоких структурных нарушениях в соотношении полов в современной российской деревне.

Социальная регуляция смертности

Социальная регуляция второй составляющей воспроизводительного движения населения – процессов смертности – состоит в общественном регулировании – стихийном и осознанном – количественных масштабов, среднего возраста и непосредственных причин смертности. Отсюда –

социальная специфичность смертности применительно к различным общественным порядкам, что позволяет выделить в истории человечества три конкретно-исторических типа смертности.

Первый из них был присущ первобытности. Это общество базировалось на присваивающем хозяйствовании, почти не знавшем роста полезного продукта и постоянно находившегося под угрозой его сокращения в меру истощения природных ресурсов их эксплуатацией человеком. Расширенное воспроизводство населения в этом обществе было возможно лишь при наличии свободных территорий, при их отсутствии возникала необходимость в поддержании режима простого воспроизводства населения. Это и предопределило соответствующую ориентированность социальной регуляции воспроизводства населения на сдерживание роста населения: распространенная практика контрацепции и абортов, детоубийств, умерщвления пленных, стариков и инвалидов, канибализм, человеческие жертвоприношения. В общественном сознании этой эпохи вообще еще отсутствует идея ценности индивидуальной человеческой жизни. Огромен был вклад в поддержание высокой смертности и таких стихийных регуляторов, как периодические голодовки и межплеменные стычки.

Неолитическая революция, положившая начало аграрному и ремесленному производству и тем самым существенно расширившая производительные возможности общественного труда, сделала человеческую жизнь источником материального богатства. Высокая смертность становится общественно невыгодной, что и приводит к становлению социальных регуляторов совсем иного типа: рождаются многообразные моральные, религиозные и, наконец, правовые нормы, берущие под защиту человеческую жизнь. В памяти человечества эта грандиозная ломка регуляторных ориентаций сохранилась в виде бесчисленных легенд и мифов, в частности, библейских, донесших до нас "волю богов" прекратить человеческие жертвоприношения, запретить канибализм, убийства детей и стариков и т.д. Историческая романистика широко воспела другой эпохальный процесс этого рода – борьбу государства с дворянскими дуэлями. Несомненную позитивную роль в сокращении смертности и утверждении расширенного воспроизводства населения сыграла совсем иная материальная обеспеченность человека аграрной эпохи, а также родившаяся медицина. Но сохранили тем не менее свое смертоносное значение периоди-

ческие массовые голодовки, и к ним добавился качественно новый, специфичный именно для аграрного общества "бич Божий" – массовые эпидемии, ставшие возможными с ростом плотности населения, появлением городов, мореплавания и т.д.

Вклад сменившего аграрное общество индустриального общества в историю социальной регуляции смертности и состоял, во-первых, в устранении этих массовых стихийных механизмов смертности: ни голодовок, ни массовых эпидемий развитое индустриальное общество не знает, а во-вторых, в становлении современной правовой и медицинской защищенности человеческой жизни. В итоге – самая низкая смертность из известных человечеству.

С учетом сказанного, можно выделить три общеисторические закономерности в эволюции смертности.

Во-первых, сокращение ее количественных масштабов с ростом организации общества. Если для первобытности общий коэффициент смертности превышал 50 %, то для аграрного общества типична смертность на уровне 30 %, а для современного развитого общества – 10-12 %.

Во-вторых, в ходе исторической эволюции смертности в корне изменилась причинная структура смертности – этиология смертности. Чем ближе к нашим дням, тем меньшую роль играет экзогенная смертность, т.е. смертность, вызываемая внешними и случайными для организации человека причинами: голодом, инфекциями, стихийными бедствиями, физическим насилием. И наоборот, все большую, а ныне решающую роль начинает играть эндогенная смертность, обуславливаемая внутренним развитием самого организма человека, возрастной патологией, обнаруживающей себя в новообразованиях, сердечно-сосудистых заболеваниях, диабете, нефритах и т.п. Так, в 1861г. в Англии на долю инфекционных и паразитарных болезней из каждой тысячи мужских смертей приходилось 230 смертей, а в 1964г. – лишь 10 (в частности, от туберкулеза – 110 и 6). Наоборот, от злокачественных новообразований в 1861 г. умирало 14 мужчин из тысячи, а в 1964г. – 201, от сердечно-сосудистых заболеваний, соответственно, 124 и 497. Удельный вес сердечно-сосудистых заболеваний среди всех причин смерти в 1900 г. и 1966 г. составлял в США 9 и 51%, в Германии – 9 и 38%, в Дании – 6 и 46%. В 1980г. в развивающихся и развитых странах на долю инфекционных и паразитарных бо-

лезней приходилось 40 и 8 % смертей, от новообразований – 8 и 19 %, болезней систем кровообращения – 26 и 54% смертей.

В-третьих, в соответствии с отмеченными переменами в этиологии смертности изменилась и возрастная структура смертности. Дело в том, что экзогенная смертность безразлична к возрасту и, соответственно, имеет место во всех возрастных группах, т.е. и там, где естественных оснований для смерти нет. Растущее преобладание эндогенных причин смертности закономерно сдвигает возрастные показатели смертности к верхним рубежам человеческой жизни. Это хорошо видно из следующей иллюстрации: в польском городе Вроцлаве в 1687-1691 годах на возраст до 1 года приходилось 28% смертей, на возраст 2-14 лет – 21%, на возраст 15-59 лет – 31%, 60 лет и старше – 19 %. В 1970-1972гг. возрастная структура смертности в ПНР, соответственно, характеризовалась цифрами 3, 1, 20, 76 %.

На процессах смертности так же, как и на процессах рождаемости, сильно сказывается социальная дифференцированность общества. Уже в прошлом веке было обращено внимание на повышенную мужскую смертность в индустриально-развитых странах и, наоборот, повышенную женскую смертность в странах аграрных. Возможные интерпретации этих фактов мы рассмотрим при изучении половой структуры общества. Тогда же была отмечена повышенная смертность всех тех, кто не состоит в браке. Этот факт был подтвержден и опытом XX в. Смертность неженатых мужчин примерно вдвое выше смертности женатых. Повышенная смертность отмечается и среди прервавших брак – разведенных и вдовцов. Объяснения этому двойкие: с одной стороны, семейная жизнь, по-видимому, создает наиболее здоровые и благоприятные условия для жизни человека, в частности, усиливая социальный контроль за его поведением. С другой стороны, нельзя не видеть среди остающихся вне брака, особенно мужчин, повышенного числа людей со всякого рода отклонениями, в том числе и патологическими, а также лиц преклонного возраста, что увеличивает естественные шансы смерти.

С прошлого же века хорошо известен факт повышенной смертности горожан, хотя возрастная структура городского населения в целом моложе деревенской в силу миграции в города молодежи. Отрицательно сказываются трудовая перегрузка, стрессы общения, скученность жизни. Но применительно к нашей стране

со второй половины прошлого века действует прямо противоположная тенденция: в 1870 г. смертность в Москве составила 32 %, а в московской деревне – 48 %. В 1913 г. городская смертность характеризовалась как 22%, а сельская – 31 %, в 1985г. (РСФСР) – 10 и 14 %. По всей вероятности, такая аномалия связана с особо массовой миграцией сельского населения в город, а также с сохраняющимся в деревне бытом доиндустриальной эпохи.

В условиях социально неравного общества естественны и существенны социальные различия и в отношении смертности. Еще в XVII в. итальянский гигиенист Б.Ромацини в специальном исследовании проследил влияние на смертность профессиональных условий, а французские демографы XVII в Моо и Депарсье – аналогичное влияние социально-классового неравенства, особенно на детскую смертность. Но полноценное научное исследование этой проблематики начинается с работ немецкого гигиениста первой половины прошлого века И.Каспера. Взяв для анализа прусское дворянство и берлинских бедняков, Каспер установил, что последние живут в среднем на 18 лет меньше. Из каждой тысячи одновременно родившихся дворян и бедняков, согласно исследованиям немецкого ученого, до возраста 5 лет доживало, соответственно, 943 и 655 детей, до 10 лет – 938 и 598, до 30 лет – 796 и 486, до 50 лет – 557 и 283, до 80 лет – 57 и 9 человек. Весьма показательны и современные данные о младенческой смертности в разных социальных группах нынешней Франции (1960 г.). Из тысячи родившихся на первом году жизни умерло в семьях интеллигенции 16-18 детей, в семьях квалифицированных рабочих – 25, фермеров – 27, полуквалифицированных рабочих – 29, неквалифицированных рабочих – 40 детей. Вместе с рождением в развитых странах новой социальной группы – хронических безработных, родилась, как показывают исследования английских социологов, и специфичная для нее смертность – среди мужчин одного возраста, но безработных смертность на 36% выше, нежели среди работающих.

Коэффициенты воспроизводства населения

В изучении естественного воспроизводства населения ключевая роль принадлежит статистическим описаниям, достигаемым с помощью специальных расчетных показателей – коэффициентов рождаемости и смертности. Применительно к процессам рождаемости таких коэффициентов

разработано много, но за пределами узких специальных задач основную аналитическую нагрузку несут три коэффициента:

– общий коэффициент рождаемости: показатель числа родившихся живыми за год в расчете на 1000 человек населения, т.е. в промилле. "Общий коэффициент рождаемости легко вычисляется, но имеет серьезный недостаток – испытывает очень сильное влияние возрастно-половой и брачной структур населения. Так, общий коэффициент рождаемости будет больше в том населении, в котором выше доля женщин детородного возраста, а среди них больше замужних"²²;

– специальный коэффициент рождаемости: показатель числа родившихся живыми за год в расчете на 1000 женщин детородного возраста (15-49 лет), т.е. также в промилле;

– суммарный коэффициент рождаемости: показатель среднего числа рождений, приходящихся на одну женщину за весь репродуктивный период ее жизни. Этот показатель не надо смешивать с показателем среднего числа детей, получаемым по данным переписей населения на основе распределения женщин по числу детей.

В социологических исследованиях процессов смертности в основном используется так называемый общий коэффициент смертности, исчисляемый числом умерших за год в расчете на 1000 человек населения. При всей распространенности этого статистического приема надо помнить о его сильной зависимости от возрастного состава населения данной страны, что резко понижает аналитические возможности международных (и даже межрегиональных) сравнений. Более надежную сравнительную характеристику несут так называемые частные возрастные коэффициенты смертности, исчисляемые числом умерших в определенном возрасте за год в расчете на 1000 человек населения этого возраста. При потребности в очень строгих сравнительных результатах используются так называемые стандартизованные коэффициенты смертности. Они вычисляются путем перемножения частных коэффициентов смертности для каждой возрастной группы на долю этой группы в населении, принятом за стандарт, например, населения мира, и последующего суммирования полученных произведений. В результате показатели смертности в сравниваемых странах, регионах или социальных группах становятся строго со-

---

²² Социология: Словарь-справочник. М., 1991. Т. 3. С. 149.

поставимыми. Но при этом надо помнить, что полученные таким методом данные не имеют абсолютного значения и пригодны исключительно для целей сравнения.

Социальная регуляция динамики продолжительности жизни

Показатели смертности имеют решающее значение и при анализе третьей составляющей воспроизводственного

процесса – продолжительности жизни, т.е. естественного интервала времени между рождением и смертью человека. Естественная, типичная для биологического вида *Homo sapiens* продолжительность жизни – предмет оживленной дискуссии в биологии. Принято считать, что она близка к 80-90 годам. Но социология имеет дело не с естественной, а социальной, реально складывающейся при данных общественных условиях продолжительностью жизни, причем в ее обобщенных статистически выраженных формах-показателях. К числу таких показателей относятся: 1) нормальная (или модальная) продолжительность жизни, характеризующая типичный для данного общества возраст наиболее частых смертей; 2) вероятная (или медианная) продолжительность жизни, исчисляемая временем, в течение которого вымирает половина однолеток (половина годовой когорты родившихся); 3) средняя продолжительность ожидаемой жизни, характеризующая средневозможное при сохранении данного уровня смертности число лет предстоящей жизни индивида. Все отмеченные показатели дают условно-расчетную обобщенную картину именно социальной продолжительности жизни, естественно, различающуюся в зависимости от метода исчисления в своих конкретных временных характеристиках, но совпадающую в основном – в выявлении качественных тенденций динамики социальной продолжительности жизни.

Главная из этих тенденций – рост социальной продолжительности жизни вместе с ростом общественной организованности. Средняя продолжительность ожидаемой жизни (статистический показатель, чаще других используемый в современной социологии) в условиях первобытности – 15-18 лет, в условиях неолита – 20-22 года, античности (для свободного населения) – 25 лет, европейского средневековья – 25-30 лет, нового времени (Европа) – 30-35 лет, новейшей эпохи (развитые страны) – 60-80 лет. Картину

динамики в XIX-XX вв. средней продолжительности ожидаемой жизни на примере ряда отдельных стран можно увидеть в следующей таблице²³.

Динамика средней продолжительности ожидаемой при рождении жизни (число лет)

СТРАНА	ПОЛ	ГОДЫ					
		1890-е	1870-е	1900-е	1920-е	1950-е	1980-е
Россия, СССР	м	25	28	32	42	64	63
	ж	27	30	34	47	72	73
Великобритания	м	40	42	51	56	67	72
	ж	42	45	55	60	73	77
США	м	38	42	49	57	67	71
	ж	40	43	52	60	73	78
Германия	м		36	47	56	64	71
	ж		38	51	59	68	78
Франция	м	38	41	48	52	65	72
	ж	41	43	52	56	71	80
Швеция	м	39		56	61	70	74
	ж	44		58	63	73	80
Япония	м			44	44	64	75
	ж			45	45	68	80

Рассматриваемая историко-демографическая тенденция есть прямая производная от отмеченной нами ранее закономерности – сокращения количественных масштабов смертности по мере роста организации общества. По имени впервые установившего эту тенденцию французского философа Ж.-А.Кондорсе ее можно было бы назвать законом Кондорсе.

Другая важная тенденция социальной продолжительности жизни – ее прямая зависимость от специфики условий жизни данной социальной группы – также прямо производна от особенностей смертности, именно – от ее выше рассмотренной социально-дифференцированной специфичности. Наиболее выразительна половая асимметрия социальной продолжительности жизни, со-

²³Источник: Миронов Б.Н. История в цифрах. М., 1991. С. 134.

вершенно очевидная из вышеприведенной таблицы. Повсеместно наблюдаемая, она усиливается с ростом самой продолжительности жизни. Объяснения этой асимметричности пока что не выходят за пределы обыденного сознания – у мужчин опаснее работа, худший образ жизни и т.п. Несомненно лишь одно – эти объяснения надо искать именно в общественных условиях жизни полов, а не в их биологии, ибо в доиндустриальных обществах данная асимметричность наблюдается в ее противоположном выражении – сверхсмертности женщин. Очень любопытна в этой связи эволюция средней продолжительности ожидаемой жизни в Индии, начисто исключающая биологические интерпретации вопроса:

	<i>Муж.</i>	<i>Жен.</i>
1872—1881	24	26
1901—1911	23	23
1921—1931	27	26
1951—1961	42	41
1970—1974	50	48
1980—1984	54	53

Очень показательны и региональные половые различия. На рубеже 90-х годов средняя продолжительность жизни мужчин в Северной Америке на 23 года, а женщин на 28 лет выше, чем в Африке, на 12 и 19 лет – чем в Азии, на 9 и 12 лет – сравнительно с Южной Америкой.

В историческом прошлом очень сильны были различия в средней продолжительности жизни между горожанами и селянами, между представителями привилегированных и трудовых слоев населения. В развитом обществе XX в. эти различия в основном сглаживаются.

Наблюдаемый рост социальной продолжительности жизни, конечно, имеет свой потолок – естественную продолжительность жизни. И выход человечества к этому порогу часто интерпретируется с позиций здравого смысла, как свидетельство растущего общественного здоровья. На деле же ситуация прямо обратная и очень тревожная: вместе с ростом социальной продолжительности жизни происходит не рост, а снижение качественного уровня общественного здоровья. Причин этому много: почти полное пре-

кращение действия естественного отбора в силу искусственного поддержания жизни хронически больных и инвалидов с помощью социальных и медицинских средств, сокращение физических нагрузок при росте стрессовых ситуаций, переядание и нездоровые привычки, ухудшающаяся экология и т.д. И если в наступающем XXI веке человечество не предпримет целенаправленных шагов для перелома складывающейся ситуации, то вероятно реализация пессимистического прогноза А.Вейсмана столетней давности: планета будет населена одними инвалидами.

Исторические типы воспроизводства населения и демографическая революция

Рассматривавшиеся нами по отдельности составляющие воспроизводственного процесса в реальном мире находятся

в тесном единстве и взаимообусловленности, что позволяет выделить с учетом многообразия общественных условий естественного движения населения два исторических типа воспроизводства населения – традиционный и современный.

Традиционный тип воспроизводства (движения) населения был характерен для доиндустриального общества и, соответственно, сохраняет еще свое значение в целом ряде стран третьего мира. Для него характерны высокие смертность и рождаемость при низкой социальной продолжительности жизни. Так, для европейской России рубежа XIX-XX вв. были характерны смертность и рождаемость на уровне 30 и 46 промилле при средней продолжительности ожидаемой жизни в 32 года. В индустриально-развитом обществе складывается совсем иной, прямо противоположный по своим характеристикам тип воспроизводства населения: низкие смертность и рождаемость (на уровне 10-12 промилле), высокая социальная продолжительность жизни (60-80 лет). Сам же переход от традиционного типа воспроизводства населения к современному получил название "демографической революции XIX-XX веков" (или "модернизации воспроизводства населения"). В ее основе – вышерассмотренные явления падения смертности и новые репродуктивные ориентации семьи в индустриально организованном обществе.

Становление режима суженного воспроизводства населения

Демографическая революция обусловила рождение ряда до сих пор неизвестных общественных явлений. Среди них одно из

важнейших – смена режимов воспроизводства населения. Под режимом воспроизводства населения понимается тип конкретного прироста населения. Он может быть:

– расширенный: естественный прирост населения перекрывает его естественную убыль. Имеет место при суммарном коэффициенте рождаемости свыше 2,6 (в условиях типичной для развитого общества смертности);

– простой: естественный прирост населения равен его естественной убыли. Имеет место при суммарном коэффициенте рождаемости, равном 2,6;

– суженный: естественный прирост населения ниже его естественной убыли. Имеет место при суммарном коэффициенте рождаемости менее 2,6.

На режимах воспроизводства населения сказывается множество факторов. В частности, всякого рода экстремальные общественные условия – войны, революции, эпидемии, голод – порождают эффект так называемой "отложенной рождаемости", понижающей показатели естественного прироста. Уход этих обстоятельств ведет к так называемому "бэби-буму", т.е. к взрывному росту рождаемости. Обе эти ситуации имеют свое продолжение во времени – эффект так называемого "демографического эха", связанный с дальнейшими многократными волнами пониженной и повышенной рождаемости, отражающими последовательное вступление в жизнь количественно разных поколений.

Но определяющую роль в детерминации соответствующих режимов воспроизводства населения играют устойчивые репродуктивные ориентации семьи. В рамках современного типа воспроизводства населения, как мы уже видели выше, с полной определенностью выявилась ориентированность семьи на малодетность, а в известной части семей и на бездетность. Отсюда – смена во второй половине XX в. типичного для до- и раннеиндустриального общества расширенного режима воспроизводства населения его суженным режимом. Если в начале прошлого века суммарный коэффициент рождаемости в США был равен 7, то к началу XX в. он составил 2,5, в середине XX в. – 3,1 ("бэби-бум"!); в 1990 – 2,0.

В Дании в 1850 г. – 4,4, в 1900 – 2,2, в 1990 – 1,4. Суммарные коэффициенты рождаемости в 1990 г. для ФРГ – 1,5; Франции – 1,8; Великобритании – 1,8; Японии – 1,9. Таким образом, мы приходим к общему выводу: законом естественного движения (воспроизводства) населения в развитом индустриальном обществе является становление суженного режима воспроизводства населения.

При этом становление этого режима воспроизводства населения предполагает некоторый переходный период, характерный тем, что наличествующая рождаемость уже ниже численности убывающих поколений и, таким образом, покрыть их убыль в перспективе не сможет. Но в силу растянутости во времени смены поколений, еще целый ряд лет имеет место расширенное или простое воспроизводство населения, маскирующее тем самым уже определившееся суженное воспроизводство. Но наступает день, когда маскирующие обстоятельства себя исчерпывают и общество оказывается в ситуации прямого и непосредственного суженного воспроизводства, т.е. в условиях прямой сокращаемости естественной численности населения – так называемой депопуляции (Австрия, Венгрия, Дания, ФРГ).

Всё это очень хорошо можно проследить на примере эволюции воспроизводственных процессов в Российской Федерации. До середины XX в. для России была характерна высокая, но непрерывно падающая рождаемость. Она отражала как аграрное прошлое страны, так и ее постепенную индустриализацию и модернизацию. В середине века наступает короткий период простого воспроизводства населения, а с 60-х годов – современный период становления суженного воспроизводства населения. В строгой динамике суммарных коэффициентов рождаемости этот типичный для индустриализирующегося общества процесс выглядит следующим образом: 1897 – 7,1; 1926 – 5,4; 1939 – 4,4; 1959 – 2,8; 1969 – 2,2; 1989 – 2,5; 1991 – 1,7; 1993 – 1,5. В абсолютных значениях эволюция естественного прироста населения России за последние два века выглядит так (в промилле):

1801—1810:	16,6
1851—1860:	13,0
1901—1910:	16,5
1940:	12,4
1950:	16,8
1960:	15,7
1965:	8,1
1970:	5,9
1980:	4,9
1985:	5,3
1990:	2,2
1991:	0,7
1992:	- 1,5
1993:	- 5,1
1994:	- 6,2
1995:	- 5,3

Таким образом, вполне определившееся с 60-х годов по показателям рождаемости становление суженного воспроизводства вплоть до конца 80-х годов остается скрытым, сохраняющимся еще, хотя и падающим, положительным приростом населения. С 1992г. Россия вступает в период прямой депопуляции населения: естественный прирост населения не покрывает его естественной убыли.

Превышение смертности над рождаемостью составило в 1992г. 184 тыс. человек, в 1993 г. – 805 тыс. человек, а в 1994г. – 920 тыс. человек. При этом, в отличие от аналогичных суженных режимов воспроизводства на Западе, в России он обуславливается не только суженной рождаемостью, но и растущей смертностью, что придает процессу депопуляции особо глубокую форму.

Чтобы конкретно представить, что ждет общество при сохранении этой статистики, сделаем несколько модельных расчетов.

При двухдетной рождаемости от населения, состоящего из тысячи человек, через 30 лет останется лишь 621 человек, 60 лет – 389, 90 лет – 240, 300 лет – 8 человек. При сохранении суммарного коэффициента рождаемости, равном 1,5, население России сократится вдвое за 53 года, а при коэффициенте 1,0 – за 24 года.

В меру сказанного очевидно, что сегодняшняя депопуляция в России, хотя и несет определенный отпечаток специфики переживаемого страной в 90-х годах переломного периода: отложенная рождаемость, повышенная смертность и т.д., тем не менее в целом прямым следствием проводимых в России реформ не является. Она отражает гораздо более глубокие и существенные процессы, свойственные, как мы видели, всем развитым индустриальным обществам, переживающим демографическую революцию.

Постарение общества

Другое очевидное следствие этой революции – так называемое постарение общества, т.е. рост удельного веса в населении старших возрастных групп. Постарение фиксируется разными методами, в том числе с помощью следующих показателей:

– коэффициента старости, исчисляемого отношением числа лиц в возрасте 60 лет (в англоязычных странах – 65 лет) и старше к общей численности населения. Выражается в процентах. Доля старых, согласно этому измерению, в Европейской России 1897 г. – 7 %, в России 1994 г. – 20 %, во Франции 1851 г. – 10 %, 1901 г. – 12 %, 1956г. – 16 %;

– коэффициента среднего возраста населения, исчисляемого делением суммы возрастов всего населения на число живущих. Выражается в годах. Применительно к РФ: 1959г. – 29 лет, 1989г. – 35 лет. Для сравнения, США: 1900г. – 23, 1950г. – 30, 1980г. – 32 года. На данный показатель очень сильно влияет возрастная структура общества: при высокой рождаемости многочисленны маловозрастные группы, и средний возраст населения понижается; при малой рождаемости, наоборот, увеличивается доля старших возрастов, и средний возраст растет. Понижает показатель среднего возраста также эмиграция, тогда как иммиграция его повышает;

– показателя возрастной медианы населения, исчисляемой путем деления населения на две количественно равные части, возраст населения на линии деления и будет медианным. Выражается в годах. Возрастная медиана населения СССР была в 1926 г. – 21 год, в 1959 г. – 27 лет, 1989 г. – 33 года. Для сравнения, Великобритания: 1901 г. – 23 года, 1931 г. – 30 лет, 1971 г. – 34 года. Показатель возрастной медианы также сильно зависит от особенностей возрастной структуры населения.

Вплоть до середины XX в. широко использовались и такие показатели, как число стариков на 100 детей (0-14 лет) или, наоборот, число детей на одного старика.

Главной причиной процессов старения является падение рождаемости, известный вклад также вносит сокращение смертности в высоких возрастах населения. В целом же, процессы постарения безразличны к общим показателям смертности (ибо они охватывают смертность во всех возрастах, а на старении населения сказываются лишь показатели смертности в старших возрастах), а соответственно, и к показателям средней продолжительности ожидаемой жизни. В силу указанной двойственности источников старения оказываются возможными и такие парадоксальные демографические ситуации, когда из-за резкого, взрывного роста рождаемости и такого же резкого сокращения смертности в

старших возрастных группах одновременно протекают процессы роста как омоложения, так и постарения общества. Такая ситуация имела место, например, во Франции в первое послевоенное десятилетие, когда одновременно вырос удельный вес молодых (0-19 лет) на 2% и удельный вес старых (60 лет и старше) – на 0,5%. Но такие парадоксы всегда связаны с какими-то экстремальными условиями и, соответственно, временны.

Прогрессирующее старение населения обуславливает ряд специфических социальных последствий, с которыми приходится считаться: рост социально-экономической нагрузки на трудоспособное население, постарение самого трудоспособного населения, т.е. рост в нем удельного веса старших возрастных групп, и, соответственно, снижение мобильности трудовых ресурсов; сокращение числа женщин репродуктивного возраста; нарастание консервативных тенденций в общественной жизни.

Демографическая политика государства

Естественно, что общество не может оставаться безразличным к рассмотренным последствиям демографической революции. И вместе с рождением этих явлений, и их осознанием на уровне общества появляются настойчивые попытки государства как-то повлиять на демографическую ситуацию в своих интересах, т.е. рождается специфическая ветвь государственного управления – демографическая политика. Она всегда конкретна и определяется спецификой демографической обстановки. В новых индустриальных странах Востока и Латинской Америки, еще только вступающих в демографическую революцию, такая политика направлена на ее углубление – сокращение смертности и соответствующее снижение рождаемости. Последнее необходимо для предотвращения ситуации "демографического взрыва" – неконтролируемого высокого прироста населения, обгоняющего рост экономических возможностей общества и порождающего растущую социальную напряженность. В странах, далеко продвинувшихся по пути демографической революции, содержание демографической политики совершенно иное она направлена в основном на стабилизацию, а в перспективе – на известный рост рождаемости до показателей, обеспечивающих устойчивое простое воспроизводство населения. В этих целях осуществляется целая система социально-экономических мер, призванная повысить заинтересован-

ность семьи в детях, а особенно во вторых и третьих: пособия на детей, субсидии и кредиты молодоженам, отпуска по беременности и родам, налоговые льготы и т.д.

Одним из первых на путь демографической политики еще в 60-е годы вступает СССР. Это было вызвано ложной идеологической мифологемой, разделявшейся всем руководством страны: сокращение рождаемости в западных странах есть проявление общего кризиса капитализма. При социализме должно иметь место лишь расширенное воспроизводство населения. В этой связи наметившиеся в СССР в 60-е годы тенденции к падению рождаемости рассматривались как следствие определенных недоработок в организации социалистического строительства. Отсюда, с одной стороны, несомненный интерес руководства страны к демографической политике как возможному рычагу выправления положения, а с другой стороны, – заведомая нереализуемость ее провозглашенной цели – обеспечения расширенного воспроизводства населения, ибо эта цель вступала в полное противоречие с закономерностями демографического развития индустриального общества. Идеологизация демографической политики вела еще к одному негативному последствию: оно исключало ее научное обоснование. И поэтому в основании советской государственной демографической политики оказался наивный тезис "здорового смысла": хотите иметь большую рождаемость, повышайте материальную обеспеченность населения. Тот факт, что рост уровня и качества материальной обеспеченности людей органично связан с ростом их общей культуры и образования, во внимание, естественно, не принимался. А мы знаем, что вместе с ростом культурности и образованности населения рождаемость не растет, а падает. Для всех стран с обеспеченной жизнью населения характерна именно низкая рождаемость. Таким образом, в самый фундамент проводимой политики были заложены ошибочные основания, которые и предопределили ее исход. Несколько подняв рождаемость (суммарный коэффициент рождаемости 1969 г. – 2,0, 1987 г. – 2,2), каких-либо существенных результатов она не дала.

В России первой половины 90-х годов никакой целенаправленной государственной демографической политики не проводилось. Но нет сомнений, что в обозримом будущем она снова станет в повестку дня.

И с учетом этого мы можем сделать некоторые выводы из соответствующего опыта СССР 60-80-х годов:

во-первых, необходимо научно-грамотное обоснование самих целей проводимой демографической политики. Как свидетельствует мировой опыт развитых стран, они двояки: в рамках программы-минимума – минимизация определившегося суженного режима воспроизводства населения, его стабилизация в районе отметки "2" (в системе суммарных коэффициентов рождаемости). В рамках программы-максимума – обеспечение режима простого воспроизводства населения, т.е. уровня рождаемости в районе отметки 2,6;

во-вторых, решающие роли в детерминации репродуктивных планов семьи принадлежат не экономическим (на что делалось главное ударение в прошлом), а социальным факторам: возможности для женщины сочетать общественную самореализацию с семейными делами (сокращенный рабочий день, гибкие графики труда, его надомная организованность и т.д.); опережающему развитию социально-семейной инфраструктуры (детские учреждения, система медицинского и гигиенического обслуживания, бытовой поддержки и т.д.); системе жилищных и бытовых льгот; преодолению территориального полового дисбаланса ("мужские" и "женские" города и регионы); государственной и общественной поддержке внебрачной семьи; содействию в поиске брачного партнера в условиях ограниченности общения и полового дисбаланса рабочих мест и т.д.;

и в-третьих. Для демографической политики 60-80-х годов была характерна односторонняя ориентация на усиление рождаемости. Но в российских условиях существенное значение приобретает и задача снижения смертности, особенно младенческой (превышает западную в три раза!) и детской.

Демографическая политика – неотъемлемая составная социальной политики любого современного государства. Российская Федерация, определяемая в ее Конституции как "социальное государство", также придет к развитой демографической политике.

2.3. Территориальные перемещения населения

"Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю..." Уже в древнейшем памятнике мировой культуры – Библии – "размножение" людей (их

"естественное движение") четко связывается с "наполнением" ими земель, т.е. с их распространением по земной поверхности.

И действительно, территориальные перемещения людей, т.е. их перемещение из одной местности в другую, явление очень древнее. Уже на уровне ранней первобытности начинается последовательное расселение молодого человечества из зон его первичного формирования на Ближнем Востоке. По имеющимся оценкам примерно 30-35 тыс. лет тому назад происходит заселение материка Евразии, люди проникают в Северную Америку и на протяжении последующих 15-20 тыс. лет неумоимо продвигаются к ее южной оконечности. Примерно в это же время – 20-25 тыс. лет тому назад – начинается заселение Океании и Австралии.

Более близкие и хорошо изученные времена античности раскрывают перед нами картину целеустремленной финикийской и греческой колонизации Средиземноморья, а эпоха средних веков ознаменовывается "великими переселениями народов". И всего лишь триста-четырееста лет понадобилось русскому этносу для расселения по всей центральной Евразии – от Черного моря до Ледовитого и Тихого океанов.

В основе всех этих массовых древних перемещений людей – опережающий рост населения сравнительно с ростом эффективности общественного труда и, соответственно, экстенсивный путь – "вширь" – общественного развития, традиционный для всей истории аграрного общества и предполагающий непрерывное освоение все новых и новых территорий.

Рождение индустриального общества в свою очередь ознаменовалось "миграционным взрывом" XIX в., обусловившим рождение иммиграционных по своему существу цивилизаций Северной и Южной Америки, Южной Африки, Австралии, Новой Зеландии.

Территориальные перемещения населения послужили фундаментом и ряда других важнейших процессов современности – индустриализации, урбанизации, формирования рынков труда национальных и международных, массовой высшей школы. При этом сами они (территориальные перемещения) теперь явились

прямым следствием тех общественных перемен, которые принесло с собой индустриальное общество: личной свободы, рыночного бума, фабричного производства, разорения мелкотоварных производителей, новых средств сообщения – железных дорог, пароходов и т.д.

Территориальная подвижность населения как отражение уровня и особенностей общественного развития

С этой точки зрения территориальная подвижность населения выступает одним из интегративных показателей высоты и качественного своеобразия

развития данного общества. Ибо, с одной стороны, "уровень миграционной подвижности населения возрастает вместе с общественным развитием"²⁴, надежно свидетельствуя тем самым о степени высоты этого развития. Согласно переписям населения 1897, 1926 и 1979гг., удельный вес населения России-СССР, жившего на день переписи вне места рождения, составил: 1897г. – 9 %, 1926г. – 22 %, 1979г. – 47 %. Удельный вес тех, кто на день переписи жил в данном месте менее двух лет, был в 1926г. – 3,5 %, 1970г. – 5,8 %, 1979г. – 7,7 %. Рост за полвека – в 2,2 раза. Но если сопоставить отечественные показатели территориальной подвижности с зарубежными, например, американскими, то оказывается, что последние примерно в 1,5 раза выше. И эти данные хорошо коррелируют с общим соотношением социально-экономических характеристик обеих стран.

Но, с другой стороны, территориальная подвижность выступает и своеобразным "зеркалом" качества данной общественной жизни, очень чутко реагируя на все перемены в ней: становление рынка в России в сочетании с открытием границ сразу же породило так называемую "челночную" миграцию, кризисное состояние науки – "утечку мозгов", распад СССР – потоки беженцев, рост транспортных тарифов убил массовый туризм и резко ограничил бытовое общение в России и т.д. Из этого следует: если количественные показатели территориальной подвижности отражают общий уровень (высоту) развитости данного общества, то ее качественные характеристики – конкретную специфику состояния данного общества в данное время.

---

²⁴ Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. М., 1987. С. 37.

Типология территориальных перемещений

По своему характеру территориальные перемещения людей могут быть тройкого рода:

- принудительными. Они получили название "депортации";
- добровольными. Они получили название "миграции";
- вынужденными, т.е. сочетающими внешнюю добровольность перемещения с его реальной принудительностью.

Если верить библейской легенде, то территориальные перемещения людей начинаются именно с депортации – насильственного изгнания Адама и Евы из Эдема, а затем и ссылки их сына Каина за убийство брата. Роль депортирующей силы здесь сыграл сам Бог. В рамках реальной истории депортации рождаются вместе с государством и представляют собой насильственные перемещения людей, организуемые по общему правилу, государством. В их основании – экономические и политические интересы. Первые обусловили массовые переселения захваченного в войнах древности населения, а также очистку территорий от "ненужного" населения (например, известная высылка в резервацию всего индейского населения США), вторые – многочисленные факты выселения населения из стратегически важных территорий, а также в наказание за сопротивление: высылка евреев из Палестины вавилонянами и римлянами, а в XX в. – из той же Палестины – арабов; выселение судетских, польских, восточно-пруссских, трансильванских немцев по итогам второй мировой войны; так называемые спецпереселения в СССР раскулаченных, "социально-опасных" и целого ряда "репрессированных народов": немцев Поволжья, калмыков, крымских татар, чеченцев и т.д.

Вынужденные перемещения, также несущие сильный отпечаток принудительности, по современному российскому законодательству представлены двумя специфическими видами: "вынужденных переселенцев", т.е. граждан России, принужденных покинуть какую-то страну или регион России в силу политических, национальных, религиозных преследований или угрозы преследования, а также в силу военных действий, стихийных бедствий, экологических катастроф. Если в силу указанных причин на территории России оказывается гражданин другого государства, то он получает статус "беженца". На начало 90-х годов в документах ООН учитывалось порядка 16 млн. беженцев, в том

числе имеющие уже 30-40-летний стаж палестинские беженцы (2,5 млн.), камбоджийские беженцы (0,5 млн.), афганские беженцы и т.д. На территории России вынужденных переселенцев и беженцев в середине 90-х годов насчитывалось около 1 млн.

Если вынужденные переселения совершаются по инициативе и с помощью государства, то они называются эвакуацией населения. Крупнейшая эвакуация населения в истории нашей страны – в годы Великой Отечественной войны. Ею было охвачено несколько миллионов человек. Обратные процессы возвращения в исходные места проживания называются реэвакуацией населения. Особый пограничный случай массовых переселений, сочетающий признаки эвакуации и депортации – репатриация населения. Под последней понимается организуемое государством возвращение на родину каких-то групп ее граждан, оказавшихся по каким-либо причинам за ее пределами. Самые крупные репатриации в отечественной истории были связаны с возвращением в послевоенные годы на родину военнопленных и так называемых "перемещенных лиц", т.е. граждан СССР, по разным причинам оказавшихся в годы войны за его пределами. В европейской истории крупнейшие репатриации граждан связаны с их вынужденным выездом из бывших колоний после получения последними независимости. Особое место в истории репатриаций по масштабам и общественному звучанию занимает репатриация евреев на их историческую родину, начавшаяся еще в 80-х годах XIX в. и получившая исключительный размах после создания государства Израиль.

Миграции, их типология

Но главный вклад в территориальные перемещения вносит добровольная территориальная подвижность населения – миграция. Являясь одним из конкретных родов территориальных перемещений, миграции обнаруживают весьма сложную структуру, включающую виды, формы, типы, направления и потоки миграции, а также стадии ее реализации.

Виды миграции выделяются на основе временного разнообразия смен места пребывания. Соответственно, различаются:

– эпизодическая миграция: нерегулярный выезд за пределы места жительства по деловым или бытовым нуждам;

– маятниковая миграция: ежедневные (или другие регулярные) выезды за пределы места жительства в связи с работой, учебой и т.д.;

– сезонная миграция: перемещения к местам временной работы и жительства в связи с сезонной организацией труда, климатическими условиями и т.п. В настоящее время особую значимость приобретает частный вариант сезонности – вахтовая миграция: регулярные перемещения к отдаленным местам работы на какой-то определенный срок;

– безвозвратная миграция (или переселение): добровольное территориальное перемещение в новую местность со сменой постоянного места жительства. Безвозвратной миграции присуща наиболее сложная внутренняя структура. Она включает три стадии реализации переселения: а) подготовительную, формирующую намерение и создающую условия для переселения; б) собственно переселение; в) адаптивную, связанную с включением переселенца (мигранта) в новую среду обитания. Если первые две стадии характерны для реализации всех видов миграции, то третья – для переселений и отчасти – сезонной миграции.

Всем видам миграции присущи две формы их реализации: а) организованная, связанная, во-первых, с государственным или частным перераспределением рабочей силы из трудоизбыточных регионов в трудонедостаточные (сельскохозяйственные переселения, система оргнабора рабочей силы в СССР, вербовочные организации и т.д.), а во-вторых, с коллективными формами туризма, отдыха, религиозных паломничеств, деловых операций ("шоп-туры") и т.п.; б) неорганизованная (или стихийная), представленная индивидуальными перемещениями.

Самые крупные структурные единицы миграции – ее типы. Их два – внутренняя и внешняя миграция, различаемые по правовым основам: внутренняя определяется исключительно национальным законодательством, внешняя – как законодательством стран выезда и въезда, так и международными миграционными правовыми нормами.

В рамках внутренней миграции выделяются несколько направлений:

– зональная миграция. Она представлена тремя миграционными потоками: а) местной миграции: переезды в пределах низовой административной единицы – района, округа, графства. В ряде

стран, например, в США – это самый массовый поток миграции; б) региональной миграции: внутриобластной и межобластной обмен населением. В России именно этот поток наиболее массов; в) межрегиональной миграции. Имеет место лишь в крупных государствах;

– городская миграция: перемещение из города в город, особенно часто из малых и средних городов – в большие. С 70-х годов в рамках постиндустриальных перемен на Западе встречается и тенденция обратного порядка: из больших городов в малые;

– сельская миграция: перемещение из села в село. В случае безвозвратной миграции обычно связана с сселением мелких населенных пунктов в крупные;

– сельско-городская миграция, представленная двумя миграционными потоками: село-город и город-село. Для индустриально развитых стран характерен первый поток, в СССР за 1927-1985 гг. переселилось в город 104 млн. сельчан.

Внешняя миграция также очень многообразна. В рамках безвозвратных переселений она представлена потоками эмиграции, т.е. выезжающими из какой-то страны, и иммиграции – въезжающими в какую-то страну. Исторически внешняя миграция выражена тремя большими этапами своего существования:

– историческим, охватывающим аграрную эпоху: античная колонизация, "великие переселения народов", немецкая эмиграция в страны Восточной Европы, первые шаги европейской колонизации Америки. К началу XIX в. за пределами Европы проживало около 10 млн. европейцев. Гораздо большие масштабы имела в это время китайская эмиграция в страны Юго-Восточной Азии, но она малоизучена. В основе этих миграций, как мы уже отмечали выше, – опережающий рост населения сравнительно с приростом средств существования. Появляющееся избыточное население вынуждено эмигрировать в поисках свободных земель и условий жизни;

– колониационным, охватывающим вторую половину XIX-первую половину XX вв. Характеризуется европейской эмиграцией в заокеанские страны – США, Канаду, Южную Америку, Южную Африку, Австралию, Новую Зеландию, Океанию. Только в США иммигрировало из Европы за 1820-1939 гг. 34 млн. человек. Социально-экономическими основами этого этапа истории внешней миграции послужили массовое разорение европейского мел-

кого товаропроизводителя крупным машинным производством, родившаяся устойчивая безработица и сохранявшаяся в большинстве европейских стран аграрная перенаселенность. Крупнейший американский статистик и социолог рубежа XIX-XX вв. Р.Майо-Смит констатировал в этой связи: главная масса иммигрантов в США – "лица неинтеллектуального труда".

– современным, охватывающим вторую половину XX в. Что характерно для него? Во-первых, изменение географии миграции. Основная масса мигрантов этого времени – выходцы из стран третьего мира, основные места приложения их труда – Западная Европа, нефтедобывающие страны Ближнего Востока и Южной Америки. Миграция в США, Канаду и т.д. былой роли не играет, в меру введенных в этих странах жестких ограничений на въезд. Во-вторых, резкое увеличение количественных масштабов внешней миграции. В мировом хозяйстве конца 80-х годов официально трудилось 22 млн. мигрантов, с учетом же их семей, сезонников и нелегальной миграции – около 100 млн. человек. В-третьих, впервые в международной миграции существенную роль начинают играть лица квалифицированного труда, в том числе интеллектуального ("утечка мозгов"). Только США за 70-80-е годы приобрели таким образом свыше 250 тыс. специалистов. Социально-экономическая база этого этапа внешней миграции очевидна – не сокращающийся, а растущий разрыв в условиях труда и жизни между странами "первого" и "третьего" миров, а также огромная масса избыточного населения в слаборазвитых странах.

Россия и внешняя миграция

Свою и очень своеобразную историю внешних миграций знает и наша страна. В дооктябрьский период (1815-1917гг.) в Россию ежегодно иммигрировало примерно 2 млн. человек, в силу чего вплоть до 90-х годов прошлого века баланс миграций был положителен для России: въезжало больше, чем выезжало. С 90-х годов он становится отрицательным, и за последующие четверть века из России выехало – преимущественно в США – свыше 4,5 млн. человек.

Что они собой представляли? В небольшом числе – порядка 100 тыс. человек – политические эмигранты, особенно в связи с первой русской революцией. Но в основном эмигрировали крестьяне и ремесленники западной окраины России, что обусловило

специфичный национальный состав российской эмиграции. Среди въехавших в США в 1899-1913 гг. российских иммигрантов 41 % составили евреи, 29 % – поляки, 22 % – прибалты и немцы. Русские (к ним относили и украинцев, и белоруссов) составили 7 %. Эта невысокая цифра обусловлена тем, что избыточное славянское население России имело широкие возможности для поддерживавшегося государством переселения на окраины империи - в Причерноморье, Сибирь, Дальний Восток.

Октябрьская революция и гражданская война породили волну так называемой "белой" эмиграции – полтора-два миллиона человек, в оценке В.И.Ленина. Вторая большая волна была связана с последствиями Великой Отечественной войны – плен, вывоз на работу в Германию, бегство туда же сотрудничавших с оккупантами и т.д. Частично эти "перемещенные лица" были репатриированы в Союз, в значительной же массе – несколько миллионов человек рассеялись по всему миру. Третья волна эмиграции приходится на 60-80-е годы. В небольшом числе это были политэмигранты и высланные из страны диссиденты, в основном же, примерно 1 млн. человек, этнические эмигранты – евреи, греки, немцы, уезжавшие на свою историческую родину. Соответственно основные потоки эмиграции направлялись, например, в 1989г. в Израиль (45 % эмигрантов), ФРГ (42 %), Грецию (4 %). Выезд в США составил 6 %. Непосредственно из России в дальнее зарубежье в 1987-1992 гг. эмигрировало 373 тыс. чел. примерно той же этнической принадлежности и направленности миграции. В настоящее время, несмотря на отмену запретов на выезд, эмиграция из России незначительна, и баланс миграции – положительный за счет иммиграции из ближнего зарубежья.

Социальные закономерности миграции В рамках миграционных процессов можно отметить несколько четких социальных закономерностей. Во-первых, наивысшая миграционная активность характерна для молодежи (16-30 лет). В СССР в 1970 г. она составила две трети мигрантов Союза. При среднем возрасте граждан Австрии в 33 года средний возраст иммигрантов в Австрию – 29 лет, соответственно, в Бельгии эти данные составят 35 и 25 лет, во Франции – 34 и 33 года, в ФРГ – 35 и 29 лет, в Швеции – 37 и 25 лет. Во-вторых, в половом аспекте рассмотрения миграционная активность выражена двояко: по наибо-

лее общему признаку – проживанию вне места рождения – на первое место выходят женщины, в значительной мере это связано с переменой местожительства при вступлении в брак. По остальным показателям миграции устойчиво лидируют мужчины, за исключением возрастной группы пожилых, где опять-таки преобладают женщины. Видимо, это объясняется их стремлением в этом возрасте избежать одиночества и жить с родственниками.

Показатели миграции

Миграционные процессы измеряются с помощью ряда показателей:

- коэффициентов миграции по прибытию и убытию: число прибывших или убывших за год в расчете на 1000 человек постоянного населения данной территории;
- коэффициента интенсивности миграции: сумма прибывших и убывших за год в расчете на 1000 человек постоянного населения;
- показателя относительного миграционного прироста населения: отношение разности между прибывшими и убывшими в расчете на 1000 человек постоянного населения.

В социологической литературе также очень популярны показатели удельного веса населения, живущего вне места рождения или менее двух лет в данном месте (в %).

2.4. Социальные аспекты движения рабочей силы

Законы разделения и перемены труда и движение рабочей силы

Главным фактором, обуславливающим рождение общества как специфической социокультурной системы, явился труд, целена-

правленная деятельность человека по освоению окружающей среды в своих интересах. Сама же способность человека к труду, т.е. та совокупность физических и духовных сил, которые используются им в ходе труда, получила название "рабочей силы человека". Как свидетельствует практика, способность к труду неоднозначна как применительно к разным людям, в частности, в силу их полового различия, так и применительно к жизнедеятельности одного человека, рассматриваемой во времени. Сам же этот процесс изменений во времени социально-экономических и биологических (возраст, здоровье, пол) характеристик используемой рабочей силы получил название "движения рабочей силы". Как тако-

вое, движение рабочей силы есть объект исследования прежде всего наук о труде и производстве, социологию же в этом процессе интересуют его социальные аспекты, т.е. все то, что сказывается в ходе и по итогам труда на изменении ролевативных характеристик личности, ее социального положения.

Исторически известны три отличных типа движения рабочей силы:

– архаичный, присущий первобытному обществу, где существовало лишь естественное половозрастное разделение труда и не было еще его общественных форм.

Движение рабочей силы в этих условиях протекало преимущественно в форме возрастных изменений в характере трудовой деятельности;

– сословно-цеховой (на Востоке – кастовый). Характеризуется наследственной закрепленностью работника за определенным видом труда и профессией. Соответственно межпрофессиональные переходы затруднены, движение рабочей силы представлено как естественно-возрастными изменениями, так и ростом квалификации, причем второе обычно выступает прямой функцией первого;

– мобильный, присущий индустриальному обществу. В его основе открытый К.Марксом специфичный для этого общества закон перемены труда. Суть его в том, что для машинного производства характерна быстрая сменяемость технологии, технический прогресс, а вместе с тем и постоянные перевороты в трудовых, профессиональных функциях работников. "Природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего"²⁵. Закон перемены труда предопределяет такие преобразования в качестве рабочей силы, как рост квалификации, овладение новыми специальностями, совмещение профессий, чередование видов труда и т.д.

В основе действия этого закона – закон разделения труда, освобожденный от средневековой регламентации и непосредственно следующий из факта технического прогресса. Именно непрерывно растущее и меняющееся в своем содержании разделение труда и обуславливает неизбежные и нарастающие перемены и перемещения в рабочей силе в соответствии с запросами

---

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. С. 498.

технологии, образуя тем самым так называемое трудовое движение (мобильность) рабочей силы.

Трудовое движение рабочей силы

Оно представлено тремя основными тенденциями.

Во-первых, непрерывным ростом образовательного уровня рабочей силы. Так, на 1000 занятых в народном хозяйстве СССР приходилось лиц с образованием:

	<i>высш.</i>	<i>н/в</i>	<i>ср/спец.</i>	<i>ср/общ.</i>	<i>непол.ср.</i>	<i>начальн.</i>
<i>1959</i>	56	12	95	84	304	326
<i>1970</i>	86	15	130	170	336	206
<i>1979</i>	100	11	156	270	262	163
<i>1989</i>	143	13	233	371	161	79

Во-вторых, ростом квалификационного уровня рабочей силы. Но технический прогресс порождает спрос не только на квалифицированную, но и на средне- и даже малоквалифицированную рабочую силу, что и сказывается на противоречивости роста ее квалификационных характеристик. Например, в промышленности (%):

	<i>США</i>		<i>ФРГ</i>			<i>ФРАНЦИЯ</i>			
	<i>1950</i>	<i>1970</i>	<i>1980</i>	<i>1951</i>	<i>1970</i>	<i>1980</i>	<i>1954</i>	<i>1968</i>	<i>1980</i>
<i>Квал.раб.</i>	33	37	41	48	42	56	49	38	50
<i>Полукв.раб.</i>	52	50	45	28	37	33	31	40	38
<i>Некв.раб.</i>	15	13	14	24	21	11	20	22	12

В-третьих, ростом профессиональной мобильности рабочей силы, т.е. способности к освоению новых специальностей, профессий, видов деятельности. По оценкам международной организации труда уже в ближайшие десятилетия общим правилом станет смена на протяжении трудовой деятельности нескольких видов занятости.

Профессиональные перемещения имеют свои закономерности: они чаще среди лиц невысокой квалификации и реже – высокой. Но это правило начинает утрачивать свою силу в меру массового обновления технологии в эпоху НТР. Наблюдаются и устойчивые тенденции межпрофессиональных переходов. В рамках профессий

физического труда типичны переходы от занятости ручным трудом, в том числе и квалифицированным, к труду механизированному и автоматизированному. В России за последние годы занятость ручным трудом сократилась вдвое. Другая типичная тенденция – переходы от профессий преимущественно физического труда ("синих воротничков") к профессиям преимущественно умственного труда ("белым воротничкам"). Если в 1927г. на долю последних приходилось около 4 % всех занятых в народном хозяйстве СССР, то в 1988г. – 30 %. Для сравнения – США: 1870г. – 8%, 1985г. – 54 %. В рамках умственного труда типичны переходы от занятий преимущественно исполнительным трудом к труду организаторскому, управленческому. Последним в СССР в 80-х годах было занято около 20 % лиц умственного труда.

Естественное движение рабочей силы и его социальные аспекты

Изменения в качестве используемой рабочей силы связаны не только с ее трудовой мобильностью, но и с естественным движением рабочей силы, состоящим в изменениях ее половозрастных характеристик.

В историческом прошлом для естественного движения рабочей силы были характерны три особенности:

во-первых, трудовые взаимоотношения полов строились на началах строгой взаимодополняемости труда, т.е. его жесткой разделенности на традиционно мужские и женские виды;

во-вторых, существенную роль в совокупной рабочей силе играл детский труд. Включение детей в трудовую деятельность родителей имело место уже с первых лет их жизни. С рождением фабричного детского труда к последнему статистикой относился труд в возрасте 5-12 лет;

в-третьих, средний возраст занятых трудом в меру низкой социальной продолжительности жизни по необходимости был очень невелик – нередко 22-30 лет.

Становление индустриального общества в корне изменило половозрастные характеристики рабочей силы, вызвав, во-первых, глубокие изменения в трудовых взаимоотношениях полов. Они все больше строятся на началах взаимозаменяемости в труде, что обусловило, с одной стороны, постепенный уход в прошлое традиционного деления труда на мужской и женский, а с другой стороны, вызвало резкий рост удельного веса женского труда в общей

занятости населения, "феминизацию труда", достигшую в целом по развитым странам к 90-м годам отметки в 43-47 %.

Во-вторых, с середины прошлого века начинают вводиться все более жесткие законодательные ограничения детского труда, а с конца века – и его прямое запрещение. С другой стороны, потребность во все более фундаментальной образовательной и профессиональной подготовке рабочих кадров непрерывно повышает средний возраст вступающих в трудовую жизнь. Если в 1926 г. в нашей стране лишь три процента двадцатилетних продолжало учебу, то в 1989 г. таковых было уже 37 %, а в группе 20-24-летних продолжал учиться каждый четвертый.

В-третьих, вместе с уже известным нам фактом общего постарения населения происходит постарение и его трудоспособной части: удельный вес старших возрастных групп трудоспособного населения растет, а младших и средних, соответственно, падает. В 1850 г. в США удельный вес 45-64-летних работников в общей массе занятых составил 22 %. В 1900 г. он вырос до 27 %, в 1930 г. – до 31 %, в 1960 г. – до 39 %. Соответственно за сто лет удельный вес возрастной группы в 20-44 года упал с 78 до 61 %. В СССР доля лиц 40-59 лет среди трудоспособных возросла с 27 % в 1926 г. до 33 % в 1959 г. и 41 % в 1989 г. Средний возраст занятости за 1977-1987 гг. вырос на год и составил для мужчин 38,4, а для женщин – 37,4 года.

Постарение трудоспособного населения ведет к снижению его трудовой мобильности и тем самым вступает в противоречие с указанной выше общественной потребностью в росте трудовой мобильности. Наметившийся выход из этого противоречия – повышенная безработица именно в старших возрастных группах. Но это ведет к росту социальной напряженности, в силу чего в ряде стран идут по пути досрочного перевода на пенсию безработных околопенсионных возрастов. Но это связано с большими дополнительными расходами и нежелательным ростом так называемой "демографической нагрузки" на трудоспособное население. В целом проблема остается открытой.

2.5. Закон социальной мобильности

Социальная мобильность как внутренняя сущность и закон социальных процессов

Если подытожить все вышесказанное о социальных процессах, то мы обнаружим нечто общее, присущее им всем, а именно – смену каких-то социальных состояний, "перемещения индивида внутри социального пространства" (П.А.Сорокин), имеющие своим результатом перемещение в социальном статусе и отвечающих ему социальных ролях. Иными словами, основанием, внутренней сущностью, законом всех конкретных социальных перемещений является именно переход от одних роле-статусных состояний личности или группы к другим. Эта смена роле-статусных характеристик в ходе социальных перемещений получила у П.А.Сорокина в 20-х годах название "социальная мобильность".

Типология социальной мобильности

Им же впервые в истории науки была проанализирована многообразная структура явлений социальной мобильности. Как показал этот анализ, по своей объективной направленности (содержанию) все роле-статусные переходы могут быть подразделены на два типа перемещений:

– без существенного изменения занимаемого личностью или группой ранга в социальном положении – так называемая горизонтальная мобильность: смена брачных партнеров в пределах одного и того же социального круга; перемена местожительства с примерно одинаковым набором условий жизни; производственные перемещения в пределах одного и того же профессионально-должностного уровня и т.д.;

– с более или менее существенным изменением социального ранга личности или группы – так называемая вертикальная мобильность. Она по необходимости представлена двумя видами – восходящей и нисходящей мобильностью. Критериями восхождения или, наоборот, нисхождения выступают соответствующие сдвиги в доходах, собственности, должностном положении, квалификации, образовании, семейном положении и т.д.

В зависимости от того, происходят эти роле-статусные трансформации – горизонтальные и вертикальные – с отдельным лицом ("личная карьера") или с группой, различаются индивидуальная и

структурная (коллективная) формы мобильности. Для каждой из них характерны свои механизмы реализации мобильности. Структурная мобильность по общему правилу является следствием глубоких общественных сдвигов, меняющих роль и значимость каких-то групп. Соответственно каналами, механизмом осуществления такой мобильности выступают революции и другие серьезные общественные сдвиги. Так, современная НТР резко повысила значимость интеллектуального труда, происшедшие в России в 90-х годах общественные преобразования, наоборот, резко снизили значимость этого труда и, соответственно, связанных с ним групп населения. Эти же преобразования также снизили статусный уровень офицерского корпуса, работников ВПК, правоохранительных органов, пенсионеров и т.д. Но они же повысили статус коммерчески активного населения (еще вчера "спекулянтов", "фарцовщиков", "колымщиков"), лиц индивидуального труда, криминальных элементов ("криминальная революция"). Любопытно в этой связи эволюция социального положения духовенства в России. Утратив в советские годы свое бывшее положение привилегированного сословия, оно снова существенно подняло свой статус в новой России. По итогам мировой сексуальной революции повсеместно поднялся статус таких традиционных групп-изгоев, как сексуальные меньшинства и проститутки. В силу социально-демографических и брачных перемен в обществе резко упал статус многодетной семьи, но поднялся статус так называемой материнской семьи, "свободного брака", лиц-одиночек.

В отличие от структурной формы мобильности, всегда сильно объективизированной происходящими в обществе переменами, индивидуальная форма мобильности, наоборот, отчетливо субъективизирована, определяется преимущественно личностными качествами и устремлениями индивида. Соответственно основными каналами ее реализации в рамках восходящего вида мобильности будут приобретение собственности, образования, квалификации, должностной рост, деловая конкуренция, доступ к политической власти и т.п. В условиях советской власти огромную значимость имели и такие каналы, как "хорошее" социальное происхождение, партийность, общественная работа.

Из сказанного вполне очевидна специфическая функция каналов восходящей мобильности – служить средством реализации устремлений личности к более высоким ролевым статусным позициям.

Менее очевидна, но не менее важна другая специфическая функция этих каналов, также открытая П.А.Сорокиным: служить своеобразным социальным "ситом", пропускающим в верхние слои общества лишь немногих из заинтересованных в этом. Далеко не каждый, поступивший в школу, ее оканчивает, далеко не каждый выпускник школы становится студентом, далеко не каждый студент закончит вуз, далеко не каждый специалист "сделает карьеру". Таким образом, для механизмов – "каналов" – восходящей мобильности характерна двойственная функциональная роль – коммуникационная и селективная.

Много хуже изучены механизмы нисходящей индивидуальной мобильности. В рыночном обществе ее основными каналами являются деловые неудачи, долги, безработица. В тоталитарно-организованных обществах на первый план выходят "плохое" социальное происхождение, утрата политического доверия или партийной принадлежности, неприятие официальной идеологии. В любом обществе одним из главных источников нисходящих перемещений является отклоняющееся от принятых в данном обществе норм поведение – алкоголизм, наркомания, уголовное прошлое, утрата чести, мезальянс, а также принадлежность к социальным группам с плохой общественной репутацией – определенным национальным, расовым, религиозным, профессиональным, сексуальным меньшинствам.

И совсем плохо изучены механизмы горизонтальной мобильности. О них практически ничего не известно.

Закрытое и открытое общество и интенсивность социальных переходов

Определяющую роль в социальной мобильности играют явления индивидуальной вертикальной мобильности. И в зависимости от того, насколько интенсивны в данном обществе вертикальные перемещения, выделяются закрытые и открытые общества. Закрытые общества характеризуются затруднительностью подобных переходов, индивид наследственно закреплен за конкретной группой, и переход из группы в группу возможен лишь в силу заинтересованности вышестоящих или каких-то общественных катаклизмов.

Становление индустриального общества и связанные с ним буржуазные революции устраняют в очень многом эту социальную закрытость, обеспечив свободную конкуренцию на рынке

капиталов и труда, демократизацию систем управления, общедоступное образование, широкую профессиональную подготовку. Сама же интенсивность социальных переходов в открытом обществе очень различна и может быть описана двояким образом: в форме абсолютной численности тех, кто изменил свое социальное положение в вертикальном плане, и в формах их относительного удельного веса в общей массе населения.

При этом данные исчисления можно сделать, рассмотрев вертикальную смену социальных позиций в пределах жизни одного и того же поколения (интрагенерационная мобильность) и между поколениями (интергенерационная мобильность). В отечественной социологии соответствующие исследования начинаются в 60-х годах, а в 1979 г. было проведено под руководством проф. Ф.Р.Филиппова большое общесоюзное исследование социальной подвижности населения, позволившее получить достаточно точные данные по стране в обоих указанных отношениях.

Исследование 1979 г. установило, в частности, что как начальная ("стартовая") социальная позиция личности, так и ее жизненный путь в целом в советском предперестроечном обществе во многом определялись исходным социальным положением, т.е. принадлежностью к семье определенного социального типа. Это вполне очевидно из нижеследующих данных.

Распределение начинающих самостоятельную трудовую деятельность по избранным ими социальным группам, %

	Работники физич. труда			Работники умств. труда		
	<i>Низк. кв.</i>	<i>Сред. кв.</i>	<i>Высок. кв.</i>	<i>Низк. кв.</i>	<i>Сред. кв.</i>	<i>Высок. кв.</i>
Выходцы из семей работников физического труда						
смешанного труда	61	23	4	3	7	1
умственного труда	55	20	2	4	15	4
	40	24	2	7	21	5

Дальнейшая динамика социальных перемещений на протяжении последующей жизни характеризуется следующими данными, %:

Социальная принадлежность в начале трудовой деятельности	На протяжении жизни			
	сохранили ее	перешли в группу		
			рабоч.	служ.
Рабочие	70	-	27	3
Служащие	90	8	-	2
Колхозники	54	36	10	
Из начинающих трудовую деятельность в группе	сохранили ее	перешли в группу		
		физ. труда	умств. труда	
физического труда	88	-	12	
умственного труда	97	3		

В целом, согласно исследованию 1979 г., доля респондентов, сменивших при вступлении в трудовую жизнь социальную группу, к которой они принадлежали с рождения (т.е. родительскую группу), составила 20 %. Среди сменивших 70 % составляют выходцы из семей работников физического труда. На протяжении последующей жизни сохранили верность стартовой социальной позиции в социально-классовом плане 68 %, в социально-трудовом – 81 % респондентов.

Очень важные результаты были получены в начале 80-х годов в большом сравнительном исследовании динамики социально-профессионального состава населения СССР под руководством проф. Л.А.Гордона. Опираясь на анализ материалов переписей населения СССР 1959 и 1979 гг., Гордон с сотрудниками проследили смену профессиональной занятости трех поколений – 10-х, 30-х и 50-х годов.

Занятые видами труда (%)	Поколение 10-х гг.	Поколение 30-х гг.		Поколение 50-х гг.
	1959 (40-49 л.)	1959 (20-29 л.)	1979 (40-49 л.)	1979 (20-29 л.)
Простым физ. трудом	52	39	29	17
Смешанным физ. трудом	27	42	41	49
Простым умств. трудом	6	7	7	12
Сложным умств. трудом	15	12	23	22
Занятые в сферах труда (%)				
Сельхоз. труда	40	32	22	13
Пром.труда	38	49	48	53
Информ.труда	7	7	9	13
Обслуж.труда	9	10	13	16
Организат.труда	6	2	8	5

Можно отметить, что интенсивность социальных перемещений в советском обществе третьей четверти XX в. как в межпоколенческом, так и во внутрипоколенческом выражениях в целом совпадают, характеризуясь в исследовании 1979 г. примерно 20 %. И эта не очень высокая цифра по-своему подтверждает кризисно-застойный характер советского общества этого времени. Для сравнения: в США середины 70-х годов 37 % мужчин в возрасте 21-64 года имели более высокий профессиональный статус сравнительно со стартовым, 14 % – понизили его, 49 % – остались в той же самой группе. Межпоколенческая мобильность характеризовалась следующими данными: повысили свой статус сравнительно с родительским примерно 50 %, понизили его – порядка 20 %, остались на том же уровне – 30 %.

Реформы в СССР и России конца 80-х-начала 90-х годов резко интенсифицировали социальную мобильность населения во всех ее проявлениях. Особую роль здесь играло рождение новых социальных групп – предпринимательских, самостоятельного труда, криминализованных и т.д., а также утрата позиций партийно-

советской номенклатурой, структурная перестройка и кризис промышленности, распад колхозно-совхозных отношений в деревне. Однако исследование этих процессов еще только начинается.

Социология социальной мобильности

Как отдельная отрасль социологического знания социология социальной мобильности оформляется в 50-60-х годах н.в. Ее родоначальником единогласно признается П.А.Сорокин, опубликовавший в 1927г. монографию под названием "Социальная мобильность". Такое редкое единодушие во многом объясняется тем, что весь основной теоретический и категориальный аппарат современной социологии социальной мобильности базируется именно на этой работе П.А.Сорокина. Эмпирические исследования в области социальной мобильности начинаются с 40-х годов, прежде всего в США, где и выходят в середине века фундаментальные работы – книги С.Липсета и Р.Бендикса "Социальная мобильность в индустриальном обществе" (1959) и П.Блау и О.Данкена "Американская профессиональная структура" (1967). Обе они посвящены проблемам перехода из "синих воротничков" в "белые". В целом, американский этап развития социологии социальной мобильности в центр ее внимания поставил вопросы индивидуальной восходящей мобильности, реализации "американской мечты" об индивидуальном успехе. С 70-х годов начинается этап многообразных международных сравнительных исследований, ставящих своей целью установление общего и индивидуально особенного в явлениях социальной мобильности. Особый интерес вызывают проблемы сравнительной динамики мобильности, ее направленности, интенсивности, детерминации.

В истории отечественной науки социология социальной мобильности начинает формироваться также в 60-е годы. В 1970г. выходит в свет первая фундаментальная монография М.Н.Руткевича и Ф.Р.Филиппова "Социальные перемещения", а затем по итогам ряда крупных эмпирических исследований – обобщающие коллективные труды "Рабочий класс и научно-технический прогресс" (1986), "Образование и мобильность в социалистическом обществе" (1987), "Межгенерационная трудовая мобильность" (1988), монографии С.А.Макеева "Социальные перемещения в крупном городе" (1989), Ф.Р.Филиппова "От поколения к поколению. Социальная подвижность" (1989) и др. Специфическими чер-

тами советской социологии мобильности являлся повышенный интерес к межклассовым переходам (в связи с проблемой стирания межклассовых различий в стране), постоянное внимание к проблемам структурной мобильности. Очень подробно исследовалась роль образования в мобильности населения, значение региональных и национальных факторов. При весьма высоком научно-методическом уровне этих исследований почти всем им был присущ общий недостаток – повышенная идеологизированность (в силу чего не применялся даже сам термин "социальная мобильность"), что резко снижает значимость работ сегодня.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Раздел I. МЕТОДОЛОГИЯ ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ</i>	3
1.1. Структура современного социологического знания	3
1.2. Методы исследования общей социологии в их историческом развитии	11
1.3. Динамика объективного и субъективного в социальной истине	17
1.4. Социальная реальность как объект и предмет социологического исследования в его историческом развитии	25
 <i>Раздел II. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ОТНОШЕНИЯ</i>	 38
2.1. Общественные (социетальные) связи и процессы	38
2.2. Естественное воспроизводство населения	44
2.3. Территориальные перемещения населения	65
2.4. Социальные аспекты движения рабочей силы	73
2.5. Закон социальной мобильности	78